

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**СМЕРТЬ ПОД
СТАРОЙ ИВОЙ**

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова, Г. Саукова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Смерть под старой ивой / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-165065-0

В глухой деревне убит заезжий бродяга. Кто и за что лишил его жизни, полиции выяснить не удалось. Дело можно было принять за обычную бытовуху, если бы не подозрение, что в нем замешано уважаемое семейство местного депутата. Выяснить это поручено полковникам МВД Гурову и Крячко. Чтобы вычислить злоумышленника, оперативники разрабатывают хитроумный план: Гуров представляется местному населению сыщиком, а Крячко — столичным бизнесменом, собирающимся купить в этих краях дом. Уловка сработала как раз в тот момент, когда в деревне произошло новое страшное преступление...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165065-0

© Макеев А.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Смерть под старой ивой

ПОВЕСТЬ

1

Деревня Антонова Балка ничем не отличалась от других деревень, затерянных в бескрайней российской глубинке. Деревня как деревня: полторы сотни дворов, чуть больше тысячи постоянно проживающего населения, у которого огороды, сенокосы, скотина и прочие исконные деревенские интересы и заботы. И, конечно же, в Антоновой Балке свои особенные деревенские взаимоотношения и законы. Они неписаные, но соблюдаются добросовестно, старательно, из века в век, и тому имеются веские причины. Если, допустим, ты сегодня не поможешь мне с сенокосом, то завтра я не помогу тебе с огородом. А если, скажем, я сегодня в чем-то тебе совру, то завтра ты перестанешь со мной общаться, потому что не стоит иметь никаких дел со лжецом. Ну а если никто не будет друг другу помогать и все друг другу станут лгать, то в деревне поселится взаимное недоверие. И как тогда выживать в непростой деревенской жизни — без помощи и доверия? Потому-то в Антоновой Балке почти не было краж — ведь разве можно украсть у того, кому ты веришь, а он верит тебе? А уж о прочих изуверствах и злодействах вроде убийств так никто и слыхом не слыхал. Деревня жила по своим законам и судила по своим законам, и эти законы, надо сказать, были разумнее и человечнее, чем Уголовный кодекс.

Конечно, не все в Антоновой Балке подчинялись охотно и по доброй воле таким законам. Обитали здесь и свои собственные, деревенские смутьяны, правонарушители и прочие, так сказать, маргиналы. Но пребывали они где-то на обочине деревенской жизни и никому особо не мешали. А потому исконные жители деревни не обращали на них особого внимания и вообще относились к их существованию философски. Живут, дескать, вот пускай и живут, как хотят, лишь бы другим не мешали жить.

Точно так же, кстати говоря, селяне относились и еще к одной категории деревенских обитателей — дачникам. Живут себе, и бог с ними: у них своя жизнь, а у селян — своя.

Надо сказать, что Антонова Балка располагалась в удивительно красивой местности. Тут тебе и речка с кряжистыми, старыми ивами по берегам, и заливные луга на другом берегу речки, и лесок с грибками и ягодками в нем. А какой воздух, а какая тишина! Благодать земная! А если к тому же учесть, что деревня располагалась неподалеку, всего в двадцати километрах от районного центра, то понятно, что городские богатые люди просто жаждали построить в таком благолепии себе дачу! И — строили. С каждым годом таких дач в Антоновой Балке становилось все больше. Но обитатели дач никак не нарушали устоявшегося размеренного ритма селян и даже приносили им некоторую выгоду. Они покупали у местных жителей молоко, огурцы, помидоры и другую деревенскую продукцию.

И вот в такой-то размеренной и всем понятной жизни случилось страшное происшествие! Убийство! Убили-то, как выяснилось потом, не деревенского, а какого-то постороннего мужичка, которого никто в деревне никогда и не видел. То есть пришлый был мужичок, чужой. Но кому от этого легче, если в Антоновой Балке никто никого не убивал отродясь! Ни своих, ни чужих! А тут нате вам, самое настоящее убийство!

Первой обнаружила убитого деревенская жительница баба Люба. Случилось это ранним утром в четверг. На дворе стоял июль, лето в самом разгаре, и денек обещал быть расчудесным. Баба Люба шла по берегу речки вдоль старых ив и вела на веревочке козу, чтобы выбрать для нее подходящее место для выпаса. И вдруг увидела лежащего под старой ивой мужчину. Причем бабе Любе показалось, что он не деревенский. Деревенских мужиков она могла бы узнать издалека и с полувзгляда, а в этом было что-то чужое.

Вначале баба Люба подумала, что человек спит. Ну а что тут такого? Июль, погода стояла самая что ни есть летняя. Так почему бы мужчине не поспать под ивой? Так подумала вначале баба Люба, но тут же и передумала. Во-первых, было раннее утро, а потому довольно-таки прохладно и росисто: прохлада и роса давно уже разбудили бы человека. А он почему-то не просыпался. И к тому же уж очень в неудобной позе лежал незнакомый человек: нога — подвернута под себя, рука — закинута за голову. Этак скоро онемеет и рука, и нога, а человек даже не шевелился.

Тогда баба Люба подумала, что этот незнакомый мужчина пьян. С пьяных-то что возьмешь? Уж они-то могут лежать как угодно, в самых странных позах. Но мужик-то совсем не шевелился, и казалось, даже не дышал!

— Эй! — несмело позвала баба Люба. — Эй! Подымайся! Ведь прохладно! Застудишься еще!

Но мужчина даже не шевельнулся. Преодолевая страх, баба Люба подошла поближе — и тут же в страхе отпрянула. Она поняла, что человек — мертвый. Да-да! Уж она-то навидалась мертвецов за всю свою долгую жизнь и знала, как отличить мертвого от живого.

Вокруг головы мужчины расплылось темно-бурое пятно. Ясно, что это кровь, а значит, у человека разбита голова. А поскольку сами себе люди разбивают головы редко (да и обо что тут было ее разбить — о старую иву, что ли?), то вывод напрашивался сам собою: незнакомца убили! Убили самым настоящим образом!

Не помня себя от страха, баба Люба вместе с козой на веревочке с невероятной для старухи резвостью помчалась обратно в деревню и вскоре была у дома сельского главы Николая Ивановича, которого застала дома, ибо он в связи с ранним часом не успел еще выйти из хаты и тем более добраться до деревенской конторы — своего рабочего места.

— Ой, убили! — заголосила баба Люба. — Как есть убили... то есть совсем! Там он и лежит... а голова у него — совсем разбитая! Кровищи... Главное, я ему говорю: вставай, а то, не ровен час, простудишься, а он лежит и не шевелится! И кровища вокруг его головы... Ой, убили! Да это что же такое творится!

На заpolошные вопли бабы Любы из дома тотчас выскочили сам Николай Иванович, его жена Наталья, двое их малолетних детей и даже кошка.

— Ты это чего? — спросил Николай Иванович у бабы Любы. — Чего, спрашиваю, голосишь? Что случилось?

— Ой, убили! — дала баба Люба исчерпывающий ответ. — Как есть убили... насовсем! Главное — лежит и не шевелится... И вроде как кровища вокруг головы... Густая такая, черная...

— Кого убили? — вытарашился на бабу Любу Николай Иванович. — Где убили? Говори толком!

Но толком баба Люба говорить не могла — уж слишком большое впечатление произвела на нее увиденная картина. Пришлось взяться за дело Наталье, жене Николая Ивановича. Она напои-

ла бабу Любу водой, присела с нею рядом, похлопала по плечу... И только тогда баба Люба обрела способность изъясняться более-менее внятно и поведала Николаю Ивановичу об увиденной ею ужасной картине.

— Да врешь ты все! — не поверил бабе Любе Николай Иванович. — Какое такое убийство? Чтобы у нас в деревне да кто-то кого-то убил?.. Зачем? Не верю... Просто лежит небось под ивой пьяный... А тебе померещилось...

Баба Люба уже пришла в себя настолько, что даже смогла обидеться на Николая Ивановича за такие его слова.

— А ты сходи да посмотри сам! — надулась она. — И тогда поймешь, вру я или нет. Я, милок, навидалась на своем веку всяких — и живых, и покойных. И одного от другого отличить могу. Так вот ты сходи и посмотри — пьяный он или мертвый. На то ты и начальство. А потом будешь просить у меня прощения за твое ко мне недоверие. Ну, иди, чего встал как столб!

— Да где же он лежит конкретно, этот твой покойник? — по-прежнему недоверчиво спросил Николай Иванович.

Баба Люба назвала точные координаты, и сельский глава нехотя поплелся к предполагаемому месту. А баба Люба тем временем побежала по деревне, чтобы сообщить народу сногшибательную новость — у них в деревне покойник, да и не просто покойник, а кем-то убитый. А это значит, что в Антоновой Балке также обретается и самый настоящий убийца. Иначе откуда бы ему взялся, душегубу-то? Не с неба же он свалился и не из-под земли образовался! Стало быть, свой, антоновский. Вот ведь до чего дожили — свои собственные душегубы в деревне объявились! Баба Люба бежала вдоль по улице от двора ко двору, а несчастная голодная коза волочилась вслед за ней на веревке.

...Покойника Николай Иванович обнаружил в точном соответствии с координатами, указанными бабой Любой. Недоверчиво и осторожно Николай Иванович приблизился к лежащему человеку, окликнул его и даже потрогал рукой. И только после этого убедился, что незнакомый мужчина и в самом деле мертв, а значит, баба Люба ничего не выдумала и ни в чем не соврала. И действительно, вокруг головы лежащего мужчины темнело большое расплывшееся пятно. Почти вся трава под старой ивой была покрыта пугающей темно-коричневой жижей. Кроме того, такой же жижей были испачканы и волосы мертвого незнакомца. Несомненно, это загустевшая кровь. Как будто чья-то вражья

рука взяла и ударила незнакомого мужчину по голове каменюкой или чем-то другим, таким же тяжелым.

«Вот так дела... — озадаченно подумал Николай Иванович. — Так что же — и вправду убийство? У нас, в Антоновой Балке — и убийство?.. А главное — за что? И — кто? И — откуда в деревне взялся этот человек... ну, которого убили? Ведь он явно не наш... а уж своих-то я знаю всех наперечет! Может, он приехал из города? Может, и так: сейчас эти городские наезжают к нам ежедневно. Но опять же за что его убили? И, главное дело, кто? Что же, в Антоновой Балке завелся свой собственный убийца? Вот так дела...»

Какое-то время Николай Иванович пребывал в растерянности и даже в прострации, но затем очнулся, взял себя в руки и отправился обратно в деревню — звонить в районную полицию.

В районной полиции поначалу тоже не поверили, что в деревне Антонова Балка случилось убийство.

— Да ну, — с сомнением сказал дежурный. — В вашем селе да убийство? Да у вас там даже домов не запирают по причине отсутствия воров, а вы мне про убийство... Напился, я так думаю, какой-нибудь ваш мужичок, да и прилег под ивой. Ничего: очнется, протрезвеет и будет как новенький!

— Нет, — возразил Николай Иванович. — Не напился и не прилег. В том-то и дело. Я сам видел. Лежит. Мертвый. И вокруг головы кровь. По всей траве и на самой голове тоже.

— Кровь, говоришь? — озадаченно произнес дежурный. — Ну... В общем, ждите оперативную группу. А пока организуйте охрану места происшествия, чтобы никто посторонний туда не совался...

— Зачем? — не понял Николай Иванович.

— Так полагается, — дал исчерпывающий ответ дежурный и отключил связь.

2

Оперативная группа прибыла в Антонову Балку примерно через два часа. За это время стараниями бабы Любы вокруг покойника собралось почти все женское, мужское, детское и собачье население деревни. Ближе к мертвому мужчине, конечно, не подходили. Во-первых, страшно: одно дело, человек, умерший своей смертью, и совсем другое — кем-то убитый. А во-вторых, близко к покойнику никого не подпускал Николай Иванович, са-

молично взявшийся охранять место происшествия до прибытия полиции.

Потому народ столпился вокруг мертвого мужика на некотором расстоянии и принялся строить версии: кто этот мужик, откуда он взялся в деревне, за что его убили, а главное — кто именно его убил. За два часа версий было придумано столько, что они, пожалуй, не уместились бы в двадцать восемь, а то и тридцать уголовных дел, а чтобы их расследовать и довести до необходимого соответствия, понадобилась бы целая рота сыщиков.

Но по большому счету никакие сыщики народу надобны не были, потому что каждый выстроил свою собственную версию убийства и, кроме того, определился с главным — с убийцей. Конкретное имя убийцы, впрочем, не называлось, но все сводилось к двум предположениям: либо мужика убил кто-то из своих, деревенских, либо кто-нибудь из дачников. А больше и некому.

— Да наш это, антоновский... который убийца! — уверяли одни. — А кто еще-то! Кому здесь взяться другому? Из каких таких краев?

— Как так — из каких краев? — возражали другие. — А дачники? Они — народ пришлый, городской, незнакомый, смутный, а к тому же еще и богатый! Кто может знать, что у них на душе? С них станется! А из наших — кто же? У нас испокон веку не было душегубства! Дерутся изредка — бывает, но не до смерти же! Нет, это точно кто-нибудь из чужих... то есть из дачников!

Конечно, находились горячие и творчески мыслящие головы.

— Э, братцы, не все здесь так просто! — говорили они. — Здесь дело вот в чем. Этот убитый мужик — не сам по себе мужик, а опасный мафиози, но только переодетый в бродяжью одежду. А переоделся он для того, чтобы укрыться в Антоновой Балке от других мафиози, его конкурентов. Да вот только не сумел от них оторваться, они его настигли аккурат на деревенской околице, ну и того...

— Ну, это ты насмотрелся телевизора! — иронично крутили головами оппоненты. — Это в телевизоре мафиози... А у нас тут — деревня... Какая тут мафия?

— Гав! Гав! Гав! — пытались вмешаться в дискуссию деревенские собаки.

Толкуя и споря, народ топтался, передвигался и суетился и за два часа до такой степени вытоптал все окрестности вокруг места происшествия, что прибывшая наконец оперативная группа толь-

ко руками всплеснула, увидев такое безобразие. В самом деле, какой уж тут осмотр места происшествия? Где оно, это самое место? Все затоптано, помято, перевернуто, можно сказать, вверх дном.

— Почему здесь столько людей? — раздраженно спросила женщина в форме. А что это была за форма — полицейская или, может, прокурорская — да кто ж его разберет? Да и какая разница? Следователь, и все тут. — Есть здесь кто-нибудь главный?

— Я, — отозвался Николай Иванович. — Я здесь главный.

— Почему столько людей? — повторила свой вопрос строгая следовательница. — Просили же — охранять место происшествия до прибытия оперативной группы.

— Я и охраняю, — сказал Николай Иванович.

— А люди? — не поняла следовательница.

— А они — сами по себе, — исчерпывающе пояснил Николай Иванович. — Смотрят. Обсуждают.

— Уберите с места происшествия посторонних, — сказала следовательница, обращаясь к местному участковому. Он прибыл вместе с опергруппой. — Работать же надо! — пояснила она почему-то жалобным тоном.

— Разойдитесь, — не очень уверенно обратился участковый к народу. — Идите по домам. Делать вам больше нечего, что ли? Спектакль вам здесь или как? Разойдитесь! Ну что за народ...

Конечно, никто и не подумал разойтись. Во-первых, было хоть и страшновато, но интересно. Не каждый же день в Антоновой Балке случаются убийства: можно сказать, это первый подобный криминальный случай в деревенской истории. А во-вторых, не тем человеком был участковый, чтобы ему сразу же и безоговорочно подчиниться. Не было у него настоящего авторитета, вот что. Участкового звали Василий Курятников, и был он молод. А у молодого какой же авторитет? Авторитет приходит с годами, его надо заслужить. Само собою, что участковый Василий Курятников знал мнение народа о себе самом, а потому не стал дважды повторять свою неуверенную просьбу разойтись, а лишь безнадежно махнул рукой. Отодвинулся народ на три или четыре шага, и на том спасибо.

Ладно. Приступили к следственным действиям в присутствии народа. Первым делом, конечно, осмотрели покойника. Серьезный дядька в белом халате склонился над убитым, осторожно ощупал его голову, что-то поднял с земли и осторожно сложил в полиэтиленовый мешочек. Другой серьезный дядя бегал вокруг

с фотоаппаратом и безостановочно фотографировал покойника с разных сторон. Следовательница что-то писала в блокноте, а участковый и еще один парень в штатском о чем-то переговаривались между собой. Народ, конечно, наострил уши, но все произнесенные опергруппой слова слышать не мог, а слышал лишь обрывки разговоров.

— Чужой... не наш... — говорил участковый парню в штатском. — Своих-то я знаю...

— Черепно-мозговая травма... — сказал дядька в белом халате следовательнице. — Наверно, это и есть причина... Совсем недавно... часов, наверно, десять или двенадцать назад... Судя по окоченению... Вскрытие покажет... созвонимся... Знать бы еще, чем его так?

— Орудие преступления... — сказала следовательница парню в штатском и участковому одновременно. — Надо найти...

— Будем искать... — пообещал парень в штатском.

Затем он и участковый склонились над убитым и принялись шарить по его карманам. Народ, вдобавок к ушам, наострил глаза. Но ничего интересного не увидел и, испытывая разочарование, выдохнул.

— Паспорт... — сказал парень в штатском. — Больше ничего... ни денег, ни телефона... Возраст... сорок шесть лет... Прописка... Нездешний. Из какого-то Прокопьевска... Да... Издалека... Кажется, где-то в Сибири.

— Ага! — понимающе зашелестел народ. — Нездешний! Из Сибири! Известное дело! Нашего-то кто убьет?

Подъехала «Скорая помощь». Из нее вышли два угрюмых санитаров с носилками, выслушали какие-то слова от дядьки в халате, погрузили покойника вместе с носилками в машину, сели туда же сами, вместе с ними сел и дядька в халате, и «Скорая помощь», подпрыгивая на ухабах, отбыла.

— Я тоже... — донеслись до народа слова следовательницы: эти слова, судя по всему, она говорила участковому и парню в штатском. — Орудие преступления... свидетели... подозреваемые... надо искать. А пока мне и допрашивать-то толком некого. Ищите...

Затем она и дядька с фотоаппаратом тоже сели в машину и уехали. А участковый и парень в штатском остались.

Кряхтя, кашляя и судача, народ стал нехотя расходиться. И вскоре на месте преступления не осталось никого — даже деревенских собак.

Участковый Василий Курятников и парень в штатском (это был оперуполномоченный районного отделения полиции, а звали его Семеном Лежаковым) сидели на куче сваленных у чьего-то забора бревен и обсуждали план действий. Надо было искать орудие преступления, находить и опрашивать свидетелей, через них устанавливать подозреваемых, фильтровать этих подозреваемых через гипотетическое сито, надеясь, что в конце концов в том сите останется он, убийца. Ну, или убийцы, если их несколько.

С орудием преступления все было более-менее ясно. Что бы это ни было — камень, обух, еще какая-нибудь железяка, — скорее всего убийца выбросил этот предмет в реку. Река-то рядом! Не нырять же оперу и участковому в реку за тем камнем! Да и чем докажешь, что найденный камень именно тот самый, которым совершено убийство? Нет уж, будем искать убийцу. А вот если мы его найдем и он сознается в преступлении, то одновременно с признанием он назовет и орудие убийства. И скажет, куда он его подевал. Тогда и будем искать. А пока займемся поиском свидетелей. Без свидетелей — как найти убийцу?

А важных свидетелей пока что не было ни одного. Баба Люба и сельский глава, которых сыщик с участковым уже успели допросить, они косвенные свидетели. Баба Люба всего лишь первой увидела убитого, Николай Иванович его, как мог, стерег до прибытия оперативной группы. Так что их допрос — формальность, которую необходимо соблюсти. Их и допросили, потому что так было положено.

— Значит, так, — сказал оперуполномоченный. — Будем делать подворный обход. Верное средство узнать что-то существенное! Обязательно кто-то найдется, кто что-нибудь видел или слышал или о чем-то важном догадывается. А коль найдется, то и расскажет. А там будет видно.

— Ну да, — с сомнением произнес участковый. — Расскажут они, как же... Будут молчать, как партизаны на допросе.

— А что такое? — прищурился сыщик. — Нет психологического контакта с местным населением?

— А! — махнул рукой Василий Курятников и поднялся с бревен. — Пошли, что ли. Куда прикажешь идти?

— А иди ты знаешь куда? — задумчиво произнес оперуполномоченный. — Вдоль по улице. Заходи в каждый дом, задавай во-

просы... Налаживай, короче говоря, контакты. А я тем временем нанесу визит вон в те милые коттеджи, что вдалеке. Это, как я понимаю, дачи?

— Они самые, — нехотя подтвердил участковый. — А в дачах — дачники...

— Приезжие из города? — полувопросительно-полуутвердительно произнес сыщик. — Богатенькие буратины... Конечно, богатенькие — вон какие хоромы! Издалека видно. А в них, значит, дачники. Хозяева жизни, так сказать... Что ж, пойду кланяться этим хозяевам. Не видели ли вы, ваши сиятельства, того-то и того-то? Или, может, вы чего-то слышали?.. Ну, начали. А через три часа встречаемся на этих самых бревнах и подводим первые итоги. Если, конечно, будет что подводить.

Через три часа они встретились. Первым пришел сыщик. Он уселся на бревна и посмотрел на солнце. Оно уже миновало зенит и стремительно катилось к закату. Надвигался вечер. Сыщик вздохнул, он выглядел расстроенным и мрачным.

Вскоре к месту встречи прибыл и участковый Василий Курятников. Он также выглядел не слишком радостным. Участковый уселся рядом с сыщиком, и какое-то время они молчали, будто и не замечая друг друга.

— Ну? — наконец сказал сыщик, и в его усталом голосе ощущалось ехидство. — Я так чувствую, что у тебя — куча свидетельских показаний. В двадцать протоколов не уместишь! И как только стемнеет, мы пойдем его брать.

— Кого это? — невесело усмехнулся участковый.

— Убийцу, разумеется! Кого же еще! Ну, говори, не томи душу. Что, кто, как, чем?

В ответ участковый развел руками, сердито зашвырнул куда-то вдаль подвернувшуюся под руку щепку и лишь затем произнес:

— Хоть бы одна собака сказала что-нибудь путное! Никто ничего не видел, никто ничего не слышал, никто ничего не знает... А ведь видели и слышали, точно тебе говорю! Но молчат! Вот такой здесь злоупорный народ, в этой Антоновой Балке! Хоть ты их веди на расстрел, все равно будут молчать! — Участковый от избытка чувств крепко выругался, помолчал, зашвырнул вдаль еще одну щепку, а затем спросил: — Ну а у тебя есть что-нибудь путное?

— Да, в общем, то же самое, что и у тебя, — нехотя ответил сыщик. — Во-первых, в дачном поселке почти никого нет...

— Ну да, — перебил участковый. — В основном они съезжают по выходным или праздникам. На то она и дача...

— А во-вторых, — продолжил оперуполномоченный. — Во-вторых... Набрел я там на одно семейство. Ну, так эти люди меня даже в калитку не пустили. Сказали, что дачный участок — их частная территория, а раз так, то делать мне у них нечего. И ни на какие мои вопросы они отвечать не желают. Даже если бы я был министром внутренних дел, а не старшим лейтенантом полиции. Так прямо и сказали.

— А кто сказал-то?

— Не знаю. Какой-то молодой человек. — Сыщик помолчал и зло произнес: — Сучонок.

— А, — равнодушно произнес участковый. — Это Евгений. Их сынок.

— Чей сынок? — так же равнодушно спросил оперуполномоченный.

— Воронова. Вороновы там обитают, на этой даче. Фамилия у них такая...

— Что ж он там торчит, на этой даче, в разгар трудового дня?

— Отдыхает, должно быть, от трудов праведных, — кисло усмехнулся участковый.

— И кем же он трудится, что так устал?

— Вестимо, преуспевающим предпринимателем! — Похоже, участковый начинал заводиться. — У него в районном центре — выгодный строительный подряд. Вся стройка — его! Как же тут не устанешь?

— Понятно, — без всякого участия сказал сыщик, помолчал и спросил: — Так это что же, его дача?

— Нет. Дача — его папаша. Но, как ты, наверное, заметил, места там хватает всем. И папаше, и сыночку, и прочим. Дворец, а не дача!

— А что, у отца-то большая семья? — усмехнувшись, процитировал сыщик русского классика.

— Да не сказать, чтобы большая. Сами папаша с мамашей, их сынок, ну и еще дочка. Вот и весь список.

— Понятно, — еще раз сказал сыщик.

Они опять замолчали. Солнце уже почти касалось линии горизонта. Еще немного, и оно коснется этой линии, а затем неизбежно за ней скроется. Ни сыщику, ни участковому не хотелось вставать с бревен и делать также ничего не хотелось. Не спори-

лось дело у сыщика с участковым. Не было ни свидетелей убийства, ни каких бы то ни было доказательств, ни тем более подозреваемых. И непонятно, в какую сторону бежать и что делать, чтобы необходимые доказательства и подозреваемые появились.

— Ладно, — сказал сыщик, нехотя поднимаясь с бревен. — Потрудимся еще, пока солнце не закатилось. Пообщаемся с населением. Может, за что-нибудь и зацепимся. Значит, мне — налево, тебе — направо. И... — Он не договорил фразу, неожиданно переменял тему: — Слушай, а кто таков глава этого почтенного семейства и его супружница? И... ты сказал, что у них есть еще и дочка?.. Так вот, она по жизни кто?

— Ну ты даешь! — изумился участковый. — Живешь в городе, а городских реалий не знаешь! Кто у нас в районном центре мэр? А? Как его фамилия?

— Кажись, Воронова, — потер лоб оперуполномоченный.

— Ну? — хохотнул участковый. — А у хозяев дачи как фамилия? Тоже Вороновы! А дальше — мысли сам. Ты — опер, ты должен уметь мыслить логически.

— Ну и ну! — покрутил головой опер. — Так это меня поперли с дачи, принадлежащей нашему мэру? Какая для меня честь! Вернусь в отделение, расскажу ребятам — все обзавидуются! Ну а сам глава семейства — кто же он?

— Вроде как областной депутат, — ответил участковый. — Плюс, поговаривают, владелец каких-то заводов, газет и пароходов. Через подставных лиц, понятное дело, ибо по закону не положено.

— Понятное дело, — хмыкнул сыщик. — По закону не положено. Мама — мэр, сынок в этом же городе подмял под себя все строительство, а над ними гордо реет папа. Так сказать, орел областного масштаба. Нет-нет, никаких пошлых намеков, а тем более выводов! Просто так совпало. А так-то, конечно, все они — существа кристальной душевной чистоты. Ну а доченька у них кто?

— Толком не знаю, — пожал плечами Василий Курятников. — Говорят, учится в какой-то навороченной академии. Вроде как в Москве. Да она и бывает-то тут редко... Да ты для чего о Вороновых расспрашиваешь?

— И сам не знаю, — в раздумье проговорил сыщик. — Наверное, спросил для общего уяснения картины. И потом: а вдруг пригодится?

— Что пригодится? — непонимающе спросил участковый.

— Информация, которую ты мне сейчас выдал. Мало ли...

— Ты что же, думаешь, что Вороновы как-то причастны к убийству этого сибирского бродяги? — с недоумением спросил Василий Курятников.

— Ничего я не думаю... Просто я спросил, а ты ответил. Ну, пошли общаться с народом! И встречаемся на этом же самом месте, как только окончательно стемнеет.

И они пошли — каждый в свою сторону.

4

Зацепиться за интересную информацию удалось оперу Лежакову и притом, когда уже совсем стемнело и когда он совсем разуверился, что добудет сегодня что-нибудь путное. Получилось непредвиденно, как обычно и бывает в подобных случаях. Сыщик обошел, наверно, домов тридцать, если не больше, и везде ему отвечали, что ничего не видели, не слышали и не знают. Оперуполномоченный, конечно, понимал, отчего народ безмолвствует. Как-никак самое настоящее убийство. А вдруг и вправду мафия? Скажешь, а потом и сам ляжешь под той же самой старой ивой. Нет уж, лучше промолчать — целее будешь. Но, с другой-то стороны, как следствию обойтись без свидетелей? Без них никак нельзя. Оттого и приходилось сыщику и участковому обходить один деревенский дом за другим и задавать их обитателям однообразные вопросы. Не видели? Не слышали? А может, о чем-то догадываетесь? А догадки-то откуда? Из каких таких источников?

И только в тридцать каком-то по счету жилище оперуполномоченному повезло. В этом доме обитала одинокая старушка — сухонькая и подвижная, какой и полагается быть деревенским старухам.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался сыщик, остановившись на пороге. — Войти в дом позволите?

— Добрым людям всегда рады, — традиционно по-деревенски ответила старушка.

— Человек-то я и вправду добрый, — входя, сказал сыщик. — А вот только дела у вас в деревне творятся недобрые. Оттого-то я к вам и пришел. Думаю, может, чего подскажете?

— А ты тот самый, который шарил у покойника по карманам? — поинтересовалась старуха. — Я-то видела сегодня утром.

Вроде как и вправду ты... — По исконно деревенской традиции старуха обращалась к сыщику на «ты», тем более по виду он годился ей в сыновья, а может, даже и во внуки, так что молод еще, чтобы «выкаты».

— Я, бабушка, я, — покорно согласился сыщик. — Что поделывать — работа у меня такая.

— А все равно — покажи документ, — потребовала старуха. — А то ведь оно всяко бывает. А вдруг ты все же не полицейский, а мафия!

Сыщик протянул старушке удостоверение. Она внимательно его рассмотрела и даже ближе к лампе поднесла, чтобы лучше видеть.

— Вроде как похож, — заявила она. — С тем, который на фотографии... просто-таки одно и то же лицо! И печать имеется... И вдобавок на сына моего младшего очень походишь. Он тоже в городе. А потому, может, ты и не мафия...

— Полицейский я, бабуля, — улыбнулся Семен Лежаков. — Сыщик. Честное слово! Вот, раскрываю убийство.

— А от меня чего тебе нужно? Или, может, ты думаешь, что это я его убила — топором-то по голове? Ну, или камнем. Может, оттого ты ко мне и пришел, что считаешь меня душегубицей?

— Нет, мать, не думаю и не считаю! — уже совсем открыто рассмеялся оперуполномоченный. — Но, может быть, вы что-нибудь видели, слышали или знаете? Ведь надо же найти убийцу, как вы думаете?

— Надо-то оно, конечно, надо... — в раздумье проговорила старуха.

И тут опер вдруг почувал, что вот оно! Бабуля явно что-то знает! И если к ней найти правильный подход, то она скорее всего будет первым свидетелем в деле. Иначе говоря, той самой ниточкой, потянув за которую распутаешь весь клубочек.

— Звать-то вас как? — участливым тоном спросил оперуполномоченный.

— Татьяной Никитичной, — ответила бабуля.

— Тяжелая у меня работа, Татьяна Никитична! — вздохнув, жалостливо сказал сыщик. — Неблагодарная. И начальство строгое. Да... А самое-то плохое — преступники. Убийцы всякие... Ага... Вот говорю я с вами, а сам не знаю: может быть, он завтра и меня, как того человека, который под ивой... А что, запросто! Я ему — руки вверх, а он меня — камнем! Бывали случаи, как же...

А у меня — мама. Вот как, к примеру, вы у своего сынка. Сына-то как звать?

— Сашей его звать. Александром, — ответила старуха.

— Вот видите — Александром. А мою маму, между прочим, звать Марией Карповной. Тяжкая у меня работа, что и говорить! Так что вы уж скажите, если что-то знаете...

— Видела я его, — после некоторого молчания сказала Татьяна Никитична. — И не только видела, а и наблюдала. То есть как его выволакивали волоком за ворота.

— Кого видели и наблюдали? — мягко, но настойчиво спросил сыщик.

— Убитого этого... то есть когда он еще был живой. Да его, я мыслю, многие в деревне видели. Только вот не скажет никто. А я скажу. Потому что уж больно ты похож на моего сынка Александра. Он тоже в городах... Ты его, случайно, там не встречал?

— Нет, — развел руками оперуполномоченный. — Город-то большой, сами знаете. Как в нем всех заметить? А когда вы его видели и наблюдали — убитого? Где? При каких обстоятельствах?

— Да ты садись, — указала Татьяна Никитична на стул. — А я уж расскажу, как дело было... то есть что я видела, слышала и наблюдала.

И она рассказала. Случилось это позавчера вечером... ну да, точно, вечером, потому что было уже темно. А у Татьяны Никитичны, надо сказать, есть гуси. Причем такие дурные гуси, что не приведи господь. То есть они почти никогда не возвращаются домой ночевать, и Татьяне Никитичне всякий раз приходится их разыскивать и по всей деревне, и за деревней, и, случалось, даже в лесу. Уж такие это беспутные гуси!

Ну так вот. Позавчера эти невыносимые гуси опять не вернулись домой. А уже темнело, и Татьяна Никитична пошла их искать. И нашла аж в самом дачном поселке, где проживают заезжие из города люди. И погнала их гурьбой домой — гусей, понятное дело, а не заезжих городских людей. Тех людей, надо сказать, в поселке никого и не было, потому что больше приезжают на свои дачи по выходным да по праздникам. А позавчера, как известно, был будний день — так откуда бы им взяться, тем городским людям?

И вот гонит Татьяна Никитична своих беспутных гусей, а во всем дачном поселке — хоть бы один тебе огонек! Тьма непроглядная! И лишь в одном-единственном доме и вокруг него горе-

ли яркие огни — уж такие яркие, что просто нестерпимо посреди тьмы. А живут в том доме...

— Вороновы! — неожиданно даже для самого себя перебил старушку сыщик и удивился вдруг снизошедшему на него просветлению. — Вороновы их фамилия!

— Кажись, так, — с некоторым удивлением произнесла Татьяна Никитична. — Да ты, милоч, и без меня все знаешь...

— Нет-нет! — горячо уверил ее оперуполномоченный. — Я знаю только, что Вороновы, да и то не знаю, а догадываюсь, а из того, что вы мне рассказываете, — ничего! Вы говорите, говорите!..

Ну и вот. Дом Вороновых сиял множеством огней, что в окнах, что во дворе. И, кроме того, там слышались чьи-то громкие голоса. Признаться, это обстоятельство Татьяну Никитичну удивило. Вроде бы будний день, а дом сияет всеми огнями. Впрочем, какое ей дело до чужой жизни? Значит, так оно надо, что дом сияет в будний день. У всякого человека — свои собственные дела.

А маршрут Татьяны Никитичны вместе с ее непутевыми гусями пролегал аккуратно мимо вороновского дома. И вот, значит, как только она вместе с окаянными гусями подошла к дому, вдруг открывается калитка и оттуда вываливаются трое мужчин. Один — посередке, а двое — по бокам. И те, которые по бокам, просто-таки волоком волокут того, который посередке. Выволакивают, значит, за калитку, бьют три или четыре раза по шее и всяким прочим местам и швыряют наземь. И говорят: ступай, мол, отсюда и больше не появляйся, а если появишься, то мы тебя и застрелить можем!

— Вот так прямо и сказали? — решил уточнить сыщик.

— Так прямо и сказали, — подтвердила Татьяна Никитична. — И еще разные матерщинные слова...

— А вы их хорошо разглядели? — напористо спросил сыщик.

— Это кого же? — не поняла старушка.

— Всех, — уточнил сыщик Лежаков. — И в первую очередь того, кого волокли, били и угрожали застрелить.

— Ну, так вроде он и был, — с некоторым сомнением произнесла Татьяна Никитична.

— Он — это кто?

— Ну, который сегодня утром под ивой... которого убили. У которого ты по карманам шарил... Я-то сегодня его видела. Точно, он, хоть и мертвый. А тогда-то он был живой.

— А вы не ошибаетесь? Я это говорю не к тому, что не верю вам. А просто — вы шли, а было темно...

— Это вокруг было темно, — возразила старушка. — А в том доме еще как светло. Говорю же тебе — фонари. Я-то хоть и старая, а из ума еще не выжила. Так что ты, сынок, не сомневайся.

— Ну, хорошо, — в раздумье произнес сыщик. — Значит — он... Ну, а те, кто его тащил волоком и били, — этих-то вы тоже разглядели?

— А то как же! — уверила сыщика старушка. — Разглядела. Один, значит, постарше, а другой — помоложе. Тот, что постарше, ниже ростом и толще, а который молодой — выше и совсем не толстый. Вот...

— А раньше-то вы их видели? — спросил оперуполномоченный.

— Это кого же?

— Ну, тех, которые волокли и били.

— А вот этого не скажу, — в раздумье проговорила Татьяна Никитична. — Может, видела, а может, наоборот, и не видела. Кто его знает...

— А Вороновых, я говорю об отце и сыне, вы разве никогда раньше не видели?

— А можно сказать, что толком и не видела. Кто они мне, чтобы с ними целоваться? Так, издалека...

— Но все-таки — может, это были именно они?

— Вот опять же — не скажу. Может, они, а может, и нет. А только вот что я скажу: кому же быть, как не им? Ведь дом-то ихний. Кто бы чужой стал хозяйничать в их доме, да еще так, чтобы бить кого-то другого, да еще и матерщинничать? Стало быть, они. Вороновы эти.

— Так... Ну а больше вы его — того, которого они били, не видели?

— А больше и не видела. Да ты сам рассуди — когда бы мне его было еще видеть? То, о чем я тебе толкую, было позавчера, а вчера мои гуси вернулись домой сами, так что даже из дома никуда не выходила, а сегодня утром он уже был мертвый. Некогда мне было его видеть во второй раз — вот оно как получается.

— Ну а насчет того, что отец и сын Вороновы... ну, эти двое... угрожали его убить, вы точно слышали?

Старушке, кажется, начался уже надоедать этот разговор. Она энергично поерзала на табурете и встала.

— Говорю то, что слышала, — сказала она и поджала губы. — А чего не слышала, того и не говорю.

Сыщик тоже встал. Кажется, разговор с Татьяной Никитичной и вправду подходил к концу. Оставалось лишь выполнить формальности — записать бабкины показания в протокол допроса, дать ей прочитать и расписаться, где надо. Что Семен Лежаков и сделал в два счета и распрошлся с бабулей.

5

Участковый уже был на месте. Его силуэт маячил на фоне все еще догорающего летнего заката. Услышав шаги, он шевельнулся.

— А я уж думал, ты пропал навсегда, — проворчал он.

— Узнал что-нибудь существенное? — поинтересовался опер.

— Ничего, — вздохнул участковый. — Ну, народ! Ну, люди! Для них же стараешься, а они... А ты что-то добыл?

— Может, и добыл, — ответил сыщик, садясь рядом с участковым на бревно.

— Ну, так не томи душу, выкладывай!

И сыщик рассказал участковому все, что узнал от Татьяны Никитичны. Он старался говорить лишь факты, без выводов. Выводы предстояло сделать потом, когда факты будут изложены.

— А эта твоя бабуля, случаем, не сочиняет? — спросил участковый, когда оперуполномоченный умолк. — Бабули — они бывают всякие. Иногда такие фантазерки, что... — Участковый не договорил и выжидающе уставился на сыщика.

— Похоже, не сочиняет, — сказал сыщик. — Да и для чего ей сочинять? Главное — все таятся, а она вдруг ударилась в сочинительство. Как-то нелогично...

— Значит, били и даже угрожали застрелить, — не сразу сказал участковый. — А буквально через день того, кому угрожали, находят мертвым. Правда, не застреленным, а с пробитой головой, но это не так и существенно. Важно другое. Вот она — угроза, а вот она — смерть. Это что же получается? А получается причинно-следственная связь. Такие вот дела... Ну и что нам теперь делать?

— По-хорошему, надо было бы допросить все это семейство, — сказал сыщик. — И послушать, что Вороновы скажут. А уже потом делать выводы. Но...

— Дальше можешь не продолжать, — тоскливо произнес участковый. — Попрут нас эти хозяева жизни как пить дать. Еще и нажалуются — вот, мол, причинили им беспокойство. А если даже и не попрут, то ведь все равно ничего не скажут. Ведь то, что ви-

дела и слышала твоя бабуля, — это же улика против них. Хоть и косвенная, но улика.

— Здесь важнее другое, — сказал сыщик. — Получается, что убитый общался с этими самыми Вороновыми. Значит, он их знал. А может, и вовсе прибыл именно к ним из Сибири... Но зачем?

— Может, их что-то связывает? — предположил участковый. — Какие-то общие дела... я не знаю.

— Что может связывать депутата, мэра и бродягу? — хмыкнул оперуполномоченный.

— Откуда мне знать? — пожал плечами участковый. — Но ведь они же дрались, не так ли? Значит, был конфликт. А конфликты на ровном месте не возникают.

— Может быть, и так, — согласился сыщик. — Но ничего толком мы не узнаем, пока не допросим это веселое семейство.

— А мы его — не допросим... — продолжил участковый, помолчал и вдруг воскликнул: — Слушай, а может, хотя бы попытаемся допросить, а?! Выследим, когда Вороновы будут на даче, явемся и скажем: так, мол, и так, есть у нас серьезная информация, которая может бросить тень на ваш безупречный портрет. Так что будьте добры, ответьте на пару вопросов... Не для протокола, дескать, а в целях выяснения истины.

— Ты что же, где-нибудь видел или слышал, чтобы мэр выступал свидетелем? — с иронией спросил оперуполномоченный. — Даже если это мэр какого-нибудь унылого места вроде нашего райцентра. Я уже не говорю о депутате. Депутат-свидетель... да ты думай, о чем говоришь! Еще и нагоняй получим от начальства. Зачем, спросят, вы полезли в эти небесные сферы... Ваше дело — ловить уголовников, а не подозревать в убийстве мэров и депутатов.

— Тогда, может, поработаем по другим версиям? — спросил участковый.

— По каким, например?

— Убийство с целью ограбления. Ведь не было же при убитом ничего, кроме паспорта — ни денег, ни телефона, ни карточки... Или, скажем, убийство по пьяной лавочке. Поссорились двое пьяниц, ну и того...

— Твои версии называются дежурными, — сказал оперуполномоченный. — А что такое дежурная версия? Это версия на всякий случай, когда никаких других более-менее серьезных версий нет

и в помине. А у нас есть серьезная версия. Нутром чую, над ней стоит поработать. Да вот только руки у нас с тобой коротковаты, чтобы до Вороновых дотянуться.

— Так что же делать? — уныло спросил участковый.

— А! — махнул рукой сыщик. — На сегодня — хватит. Уже вечер, а мне еще добираться до города.

— У меня машина, — сказал участковый. — Я довезу.

— И то хорошо, — буркнул сыщик. — Доберемся до города, завтра поутру доложу о результатах расследования начальству, и пускай оно решает, что дальше делать. На то оно и начальство, чтобы бодаться со всякими депутатами и мэрами. А наше дело — маленькое. В общем, поехали.

И они поехали в город.

6

Наутро, в пятницу, оперуполномоченный Семен Лежаков предстал перед своим начальством — заместителем начальника районного отделения полиции майором Вахитовым. И доложил ему по всей форме: так, мол, и так, работа по убийству в деревне Антонова Балка проведена такая-то и такая-то, результаты — такие-то и такие-то, то есть, по сути, нулевые. Но есть одна чрезвычайно любопытная версия... И рассказал об этой версии. И почему она осталась недоработанной, рассказал тоже.

— Оно и правильно, — почесал в затылке майор Вахитов. — Один раз тебя оттуда поперли, а если бы ты пошел на эту дачу во второй раз, то поперли бы и во второй. Да еще, пожалуй, подняли бы шум на всю область: так, мол, и так, полиция затеяла против нас политическую провокацию. Ну что за жизнь? Скоро не останется ни одного нормального уголовника — все сплошь политики! А ведь я еще помню добрые старые времена...

И майор Вахитов принялся самозабвенно ругаться. И только выругавшись всласть, он вновь приобрел твердость духа и способность мыслить рационально и трезво.

— Вот что, — сказал он оперу Лежакову. — Ты к этим Вороновым больше не суйся. Понял? Да и я к ним соваться не стану также. Это — дело областного масштаба. Поговорить с ними, конечно, надо, потому что версия и впрямь дельная. Коль была драка с угрозами убийства, а вслед за этим случилось и само убийство, то... в общем, здесь и рассуждать не о чем. Но пускай с ними об-

щаются в нашем областном управлении. У них и горизонты пошире, и власти побольше. А мне мои майорские погоны дороги как память. Мне через полтора года на пенсию — понятно тебе? В общем, так. Сегодня же я свяжусь с областным управлением, доложу о ситуации и попрошу помощи. А там — будет видно.

— А что делать мне? — спросил Лежаков.

— А вы с участковым поработайте пока по другим направлениям. Например, отработайте версию убийства с целью ограбления. Или — по пьяной ссоре. Понятно?

— А то как же, — кисло произнес оперуполномоченный. — Все нам понятно. Поработаем...

— Вот и ступай, — велел майор Вахитов и вновь принялся ругаться.

Его ругательства Лежаков дослушивал уже на выходе из отделения. И совершенно был согласен с их содержанием. Более того, Лежакову хотелось к начальничьим ругательствам присоединиться. Но не позволяла субординация.

Наругавшись вволю, майор Вахитов стал действовать. Вначале он сходил к начальнику районного отделения полиции подполковнику Смахову и доложил ему о сложившейся ситуации. Подполковник Смахов в присутствии Вахитова стал звонить в областное управление полиции — вышестоящему начальству. Сообщать о случившемся было вроде бы рановато, так как шел всего второй день с момента обнаружения покойника в Антоновой Балке, но все дело упиралось в эту проклятую версию с депутатом. Дозволившись и рассказав о ситуации, Смахов весь обратился в слух.

— Ладно, — сказала областное начальство. — Ты там, Смахов, ничего пока не предпринимай. Поработайте пока по другим направлениям. Например, отработайте версию убийства с целью ограбления или в ходе пьяной ссоры... Да, вот еще ценная версия — убийца и убитый что-то не поделили. Например, женщину... А что? Бывают и такие жизненные случаи... В общем, действуйте. А мы тут посоветуемся, и я тебе перезвоню.

— Тебе все понятно? — спросил Смахов у Вахитова.

— А то как же, — бесстрастно ответил майор.

— Вот и действуйте, — приказал Смахов. — Расследуйте убийство. А я буду ждать звонка из областного управления. Сейчас они будут там совещаться... Да, вот что еще. Они нам подбросили одну ценную версию. Убитый и убийца не поделили между собой женщину. Ну и того... Тебе все понятно?

— Абсолютно, — отчеканил Вахитов и вышел из кабинета. Ему опять невыносимо захотелось ругаться, и только громадным усилием воли он удержал в себе это желание.

Из областного управления Смехову позвонили через два часа и сказали, что ситуация складывается скверная, они там, в области, также не желают быть причиной политической провокации с непредсказуемыми для самих себя последствиями, а потому запросили помощи аж у самой Москвы. А точнее — у Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России. Там — ребята ушлые и тертые, а главное — у них развязаны руки. Никакая областная, а тем более районная власть на них не цыкнет, а потому они смогут разобраться со всеми здешними мэрами и депутатами на счет раз-два-три. И сумеют привлечь их к справедливой ответственности, если они того заслуживают, даже если речь идет об убийстве какого-то бродяги. Потому что бродяга — он такой же гражданин России, как и мэры с депутатами. Вот и ждите гостей из матери-столицы. А вот когда именно они придут и в каком количестве, про то никому не известно. А точнее, известно: когда им надо, тогда и придут. И в каком им заблагорассудится количестве. А пока они не прибыли, работайте по другим версиям. И главное, не забывайте версию о неподделенной женщине. Потому что это очень перспективная версия. Вам все понятно?

И областное начальство положило трубку.

7

У Льва Ивановича Гурова зазвонил телефон. Судя по мелодии, это был деловой звонок. У полковника Гурова на телефоне было две мелодии. Если звучала мелодия отрывистая и четкая, это означало, что звонило начальство или верный друг, коллега и напарник Станислав Крячко. Для всех остальных случаев в телефоне играла другая мелодия — нежная и лирическая. Даже если Гурову звонили преступные личности (а нередко бывало и такое) или кто-нибудь из агентов.

Так вот: это был явно деловой звонок. Какое-то время Гуров медлил, наивно надеясь, что телефонный трезвон умолкнет сам собой. Сейчас, именно в этот самый момент, ему не хотелось брать трубку и, соответственно, не было особого желания с кем-то разговаривать. Он сидел на скамейке в скверике и наблюдал, как летний ветерок пробегает по листьям кустов и деревьев. Гу-

рову очень редко выпадало такое счастье — неподвижно и почти бездумно пребывать наедине с самим собою, да еще и любоваться игрой ветерка, света и теней на листьях деревьев.

Проклятый телефон и в самом деле на какое-то время умолк, но затем его четкие отрывистые трели зазвучали вновь. Из чего сам собою следовал вывод: тот, кто звонит, не отстанет от Гурова, пока он не ответит на звонок. Лев Иванович извлек из кармана телефон. Звонила Верочка, секретарь генерала Петра Николаевича Орлова, непосредственного начальника Гурова.

— Уж кого-кого, а вас, Верочка, я всегда готов слушать с особой радостью, — сказал Лев Иванович в трубку. — Потому что именно после ваших звонков моя прозаическая жизнь резко меняется. В ней сразу же появляется лирика: призраки казенного дома, зов дальней дороги, предчувствие бубновых хлопот...

— Кажется, именно все это вам скоро и предстоит. Потому что через два часа вас ждет к себе Петр Николаевич. Просил не опаздывать, из чего следует, что дело важное.

— Только лишь меня одного? — уточнил Гуров.

— Как бы не так, — рассмеялась Верочка. — Конечно же, вместе со Станиславом Васильевичем. Сейчас буду звонить и ему.

— Не утруждайтесь понапрасну, — сказал Лев Иванович. — Я позвоню ему сам.

— Ну и прекрасно, — проговорила Верочка. — Смотрите, не опаздывайте.

Перестроившись на деловой лад, Гуров позвонил Станиславу Крячко.

— Привет, — сказал он.

— Дальше можешь и не говорить, — засмеялся Крячко. — Потому что все твои дальнейшие слова я могу угадать и сам — по тому, как ты произнес слово «привет». Сейчас ты скажешь «вас вызывает Таймыр». Или что-то в этом роде. Я угадал?

— Если слово «Таймыр» заменить словами «генерал Орлов», то угадал в точности, — рассмеялся и Гуров.

— Ну, я так и знал! — с преувеличенной бодростью произнес Крячко. — И когда быть?

— Через два часа. Точнее — через один час и пятьдесят четыре минуты.

— Придется поспешить, — сказал Крячко. — Ибо я далековато.

— Ну, так поспешай.

На том их разговор и закончился.

— Значит, так, — сказал генерал Орлов, когда Гуров и Крячко вошли в генеральский кабинет, по-приятельски, как давние знакомые и друзья, поздоровались с начальником и расселись по местам. — Я пригласил вас...

— Чтобы сообщить пренеприятное известие, — не удержался от дружеского ехидства Станислав Крячко.

— Совсем наоборот, — усмехнулся генерал. — Известие очень даже приятное...

— Да ну? — на этот раз не удержался уже Гуров.

— Точно, — подтвердил генерал Орлов. — И сейчас вы это оцените сами. Есть на Руси-матушке один прекрасный уголок под названием Антонова Балка. Чистый воздух, нетронутая природа, отзывчивые жители. Точные координаты я вам сообщу потом, а пока — о главном. В этом райском уголке совершенно убийство. Со слов местной полиции, убили какого-то бродягу. Причем, судя по паспорту, не местного, а издалека — из Сибири.

Гуров и Крячко переглянулись, но генерал Орлов не был бы генералом Орловым, если бы не заметил обмен взглядами между своими друзьями-подчиненными.

— Понимаю, о чем вы хотите сказать и друг другу, и мне заодно, — опять усмехнулся Петр Николаевич. — Дескать, дожили Крячко с Гуровым — на раскрытие убийства какого-то бродяги их хотят послать! Не ценит больше генерал Орлов своих друзей и не верит им как подчиненным.

— Ну, если выразаться фигурально... — начал было Крячко, но генерал Орлов его мягко перебил:

— А ты пока не выражайся никак. Потому что я еще не все сказал. С одной стороны, это обычное преступление, с которым, думаю, запросто могла бы справиться местная полиция и без нашей помощи. Но есть в этом деле и другая сторона...

Генерал встал, прошелся по кабинету, долго вглядывался в окно, будто увидел за ним что-то чрезвычайно интересное, потер ладонью лоб и продолжил:

— Так вот, другая сторона... В этой самой Антоновой Балке, как доложила мне местная полиция, нравы самые что ни на есть патриархальные. Представьте, что там до сих пор не запирают домов. Ну, нет там воров... этакое диво! И вдруг — убийство. И ка-

кой же вывод из этого должен следовать? — генерал с прищуром взглянул на Гурова и Крячко.

— Вывод напрашивается сам собой, — ответил Гуров на этот вопросительный взгляд генерала. — Убийство, о котором идет речь, — явление чрезвычайное...

— И, должно быть, обстоятельства, приведшие к нему, тоже необычные, — добавил Крячко.

— Потому что обычно так не бывает, чтобы там, где нет даже мелких краж, — и вдруг убийство, — продолжил Лев Николаевич. — Нелогично получается.

— Не было ни гроша, да вдруг алтын — так в этой жизни не бывает! — подытожил Стас.

— Вот! — генерал Орлов торжественно поднял палец. — За что я вас в первую очередь ценю, так это за то, что вы умеете схватывать суть дела на лету! А ты говоришь, что я разменял вас на мелкую монету, — с дружеской укоризной взглянул генерал на Крячко. — Станислав Васильевич, вам должно быть совестно за такие ваши мысли.

— Мучительные угрызения совести терзают меня уже полторы минуты, — сообщил Крячко.

— И это прекрасно! — радостно сказал Орлов. — Тобой извинения произнесены, мной они приняты, а потому идем дальше. Итак, существуют некие невыясненные чрезвычайные обстоятельства, которые, как мы все понимаем, могут быть интересными, неожиданными и резонансными. Более того, в этом деле есть еще одна сторона — гораздо интереснее первой. Оказывается, за день до своей смерти убитый вступил в конфликт с членами семьи неких Вороновых. И они пригрозили его убить...

Петр Николаевич умолк и многозначительно посмотрел на Гурова и Крячко. Он явно ожидал, что те продолжат его мысль, и не ошибся. Отозвался Крячко:

— Драка — угроза убийством — убийство... Вырисовывается любопытная цепочка. Иначе говоря, причинно-следственная связь.

— Вот именно! — подхватил генерал Орлов и посмотрел на Гурова — что скажет он.

— Версия действительно интересная, — согласился Гуров. — Но вместе с тем и простая. Мне кажется, что с этим делом справился бы любой зеленый сыскарь со стажем в один год. Взять этих... как ты их назвал... Вороновых, что ли?..

— Да, — подтвердил Орлов.

— Ну, так вот: взять их в оборот, да и дело с концом. А не может прямой допрос, подпустить пару-тройку оперативных хитростей... При чем тут мы? Что-то я тебя не пойму, Петр Николаевич. Чувствую, самую сладкую конфету ты оставил напоследок. Ну, так выкладывай, чего уж там. Не таи десерт от друзей.

— Нет, — решительно произнес Орлов. — С вами, братцы, общаться абсолютно неинтересно! Все-то вы знаете наперед! Что ж, выкладываю последнюю конфетку. Дело в том, что эти самые Вороновы — не простые смертные, а...

— новоявленные хозяева жизни, к которым у местной полиции не хватает силенок и решимости подобраться, — эти слова Крячко отчеканил как некую давным-давно вызубренную им формулу. — Я прав?

— Если отбросить в сторону, что генерала и прямого начальника перебивать нетактично, то во всем остальном, Станислав Васильевич, ты получаешься вкруговую прав. Ни добавить, ни возразить, — с деланой строгостью произнес Орлов.

— И кто же они, эти самые хозяева? — спросил Гуров.

— Как обычно. Глава — областной депутат, его жена — мэр районного городка, сын — успешный предприниматель в этом самом городке. Все по формуле — будь она неладна, эта самая формула.

— Наверно, у сынка строительный бизнес? — вопрос Гурова был больше похож на утверждение, чем собственно на вопрос.

— А то что же еще? — буркнул генерал. — Самое сладкое кушанье для всяких... одним словом, для предприимчивых людей.

— И нам, значит, предстоит взять это милое семейство в оборот и выяснить истину относительно убитого бродяги, — сказал Крячко.

— Да, — коротко ответил генерал Орлов. — Но не только. Думаю, у этой семейки много всяких неправедных тайн. Как оно и водится на современной Руси... Хорошо бы попутно вытряхнуть из них эти тайны.

— В общем, — подвел итоги Гуров, — обычное дело.

— Обычных дел не бывает, — не согласился Орлов. — Разве это не твои слова?

— Мои, мои, — успокоил генерала Лев Иванович. — Да, кстати: а как именно был убит этот сибирский путешественник?

— Обыкновенным российским образом, — ответил генерал. — Местная экспертиза дала заключение, что обухом по голове.

— Как-то не стыкуется... — в задумчивости проговорил Крячко. — Депутат, мэр — и обухом по голове! Как-то по-босаяки, по-разбойничьи...

— Какие депутаты и мэры, такие и убийства, — ответил генерал Орлов. — Так что все стыкуется.

— Bravo! — с грустным видом поаплодировал Крячко. — Не слова, а чеканная формула. Просто-таки на века!

— А иди ты сам знаешь куда со своими овацями, — вяло отмахнулся генерал.

На том разговор и завершился. Собеседники пожали друг другу руки и расстались. Гурову и Крячко надо было готовиться к отбытию в благословенную деревню Антонова Балка.

9

Перед самым отъездом Гуров и Крячко, как обычно, устроили совещание.

— Деревня-то, конечно, благословенная — эта самая Антонова Балка, — сказал Лев Иванович. — Думаю, что и районный центр от нее мало чем отличается. А все-таки надо бы как-то похитрее, что ли... Пес их знает, что кроется за этой их кротостью. Дома не запирают, а человека убили...

— Так ведь убил не народ, — возразил Стас, — а депутат с мэром. Картина, кажется, довольно ясная.

— И ты туда же, — хмыкнул Гуров. — А если не они? Бывает, что в самом простом и очевидном преступлении кроются такие сатанинские глубины, что... — Он недоговорил и лишь махнул рукой.

— Да знаю, — нехотя произнес Крячко. — Это я просто так, чтобы проверить тебя. Ну, и себя заодно. В нашем деле никогда не следует настраиваться на легкую прогулку, ибо сильно потом разочаруешься! — Последние слова Стас произнес с деланным пафосом.

— Вот именно, — согласился Лев Иванович. — А тут еще — местные полицейские. Кто их знает — не смогли они подобрать к этим Вороновым или не захотели?

— Я думаю, что и так, и этак, — предположил Крячко. — Дело лишь в пропорциях. То есть чего больше — нежелания или невозможности.

— Приедем на место — разберемся, — сказал Гуров. — И на этот счет есть у меня одна идея...

— Ну-ка, ну-ка, — Крячко выразил своим лицом предельное внимание.

— Я думаю, что нам надо разделиться, — предложил Гуров, не обративший внимания на показушное шутовство своего напарника, ибо такая манера общения Крячко была ему давно уже знакома.

— Не понял... — эти слова Стас произнес уже совершенно искренне.

— Скажем так: я поеду в своем обычном обличье — ну, как полковник из центра Гуров, а тебе придумаем какую-нибудь роль, с полицией никак не связанную, — сказал Гуров.

— И для чего же такие перевоплощения? Будь добр, растолкуй свою гениальную мысль подробнее. А то до меня в силу моей простоты что-то не доходит.

— То, чего не сможет узнать официальное лицо, попробует выведать лицо неофициальное, — стал терпеливо объяснять Гуров. — Методы-то разные, значит, и возможностей выведать будет в два раза больше.

— Понятно, — сказал Крячко. — Эти туземцы — народ, как водится, скрытный, никаким властям они испокон веку доверять не привыкли, следовательно, полковник полиции Лев Гуров разузнает всего ничего. Другое дело, какой-нибудь весельчак и душка... этакий ухарь-купец, незнамо по какой причине забравшийся в глухомань под названием Антонова Балка. Если я расположу этих аборигенов к себе, то они передо мной даже душу свою вывернут наизнанку, а не то что расскажут подробности убийства какого-то бродяги из Сахалина. Я правильно мыслю?

— Как всегда, — усмехнувшись, одобрительно сказал Лев Иванович. — Осталось лишь подобрать тебе подходящую роль. Ну, а все прочее будет твоя импровизация. И вот тут-то я в сильном смущении — какую же роль на тебя примерить. На простого, задушевного селянина ты явно не тянешь — физиономия не та. Да и руки тоже не те — без трудовых мозолей. Вот я и думаю...

— А что тут думать? — пожал плечами Крячко. — Здесь, если разобраться и вникнуть, вполне можно обойтись и без твоих раздумий. Тоже мне Станиславский нашелся — над ролью он размышляет... Моя роль для такого случая видится мне простой, как пряник. Я — выбившийся из народа тот самый ухарь-купец, о котором я толковал тебе выше. И хоть я и купеческого звания, но не выветрился из меня еще исконный народный дух и всяческие исконные народные повадки. Ну, там выпить и закусить, подмигнуть какой-

нибудь деревенской молодке... в общем, надеюсь, тебе понятно. Ну а мне — понятно тем более. А прибыл я в эту самую Антонову Балку вот зачем. Петр Николаевич вроде сказал, что места там широко замечательные, просто-таки райские. Да и дач по этой причине хватает. Вот я и возник в деревне, чтобы подыскать себе место для дачки. Хожу, вникаю, общаюсь... А встречаться от случая к случаю будем с тобой тайком, как Ромео с Джульеттой. В общем, по ходу действия разберемся, что к чему. Ну и как тебе моя идея?

— Во! — показал большой палец Гуров. — На ять!

— Тогда, — сказал Стас, — осталось выяснить мелочи — когда и каким способом нам отбыть в это благословенное место.

Дату отбытия наметили на следующий день. Первым отбывал Гуров — на самолете до областного центра, а уж оттуда до самого места — как придется. А вслед за ним в том же самом направлении отправлялся и Крячко. Причем на собственном автомобиле. Почему на автомобиле, а не на самолете? А потому, что автомобиль был частью образа, в котором должен будет действовать Крячко. Что же это за ухарь-купец, если он без собственного автомобиля? Кто его примет всерьез, безлошадного? Кто с ним станет по-серьезному общаться? Кто ему поверит? Нет, без автомашины — никак. Она — неотъемлемая часть той оперативной легенды, которой должен соответствовать Станислав Крячко.

Прибыв на место, Станислав должен связаться с Гуровым по телефону и договориться о тайной встрече. За это время Лев Иванович постарается вникнуть в обстановку и определиться с планом действий. То есть с какого конца приступить к раскрытию преступления и могут ли Крячко с Гуровым надеяться на помощь местной полиции. Ну и, разумеется, Стас должен прибыть на место, что называется, в образе не «важняка» из столицы, а в виде веселого, разухабистого и не имеющего абсолютно никакого отношения к полиции субъекта.

С тем Гуров и Крячко распрощались и стали готовиться к отбытию в далекую и загадочную Антонову Балку.

10

В областном управлении полиции Гуров до поры до времени решил не показываться. Ничего, кроме официальных рукопожатий, его там не ждало, — а зачем Гурову эти рукопожатия? После них все равно предстояло ехать в районную полицию —

вся работа намечалась именно там. В общем, не до реверансов, которых Лев Иванович, признаться, откровенно не любил. К тому же неизвестно, как в области воспримут его приезд. Конечно, внешне встретят благопристойно и радушно, а как воспримут на самом деле? В качестве основного подозреваемого в убийстве фигурировал как-никак областной депутат, а каково его влияние на областных полицейских чинов? Может, и никакого, а может, совсем наоборот — все полицейские чины пляшут под его дудку. Запросто могло быть и так — таковы времена. На месте выяснить обстановку намного проще. Тем более что завтра уже прибывал Крячко, и к этому времени Гуров должен был хотя бы поверхностно вникнуть в суть дела. Поэтому он нанял в аэропорту такси и спустя полтора часа был уже в районном центре. И даже больше того — в районном отделении полиции. Понятное дело, что в штатском костюме, а не в форме.

— Что надо? — глянул на него из окошечка капитан, должно быть, дежурный.

— Здравствуйте, — сказал Гуров в окошечко дежурной части. — Я — полковник Лев Иванович Гуров, старший оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД. Вот мое удостоверение.

Дежурный капитан от неожиданности поперхнулся, закашлялся, поднялся с кресла и взял из рук Гурова удостоверение.

— Здравия желаю, — растерянно сказал он, возвращая удостоверение. — Слушаю вас...

— Мне нужно к вашему начальству, — пояснил Гуров.

— Понятно, — ответил дежурный. — К начальству... Но никого из начальства нет сегодня на месте... сегодня — выходной, так что, сами понимаете...

— Звоните, — коротко сказал Гуров.

— Сию минуту, — торопливо выговорил капитан. — Все телефоны у меня под рукой, так что мы мигом... А вы бы пока прошли и присели... вот кресло.

Гуров прошел в дежурную часть и сел в предложенное кресло. Атмосфера в районном отделении ему понравилась с первого взгляда. Нет, и вправду здорово! Выходной день, начальство отдыхает, все тихо, мирно, никакой суеты и беспокойства. В общем, все, как и должно быть — когда мир нормальный и предсказуемый. Красота!

Дежурный капитан тем временем пытался до кого-то дозвониться, но трубку, похоже, никто не брал. Дежурный нервно сбросил номер телефона, набрал его повторно, потом в третий раз... Его действия были безрезультатны — номер не отвечал.

— Прошу прощения, — промямлил капитан, — но Смешной почему-то не отвечает...

— Кто? — не понял Гуров.

— Виноват, — испуганно ответил капитан. — Начальник отделения подполковник Смехов.

— Звоните заместителю по оперативной части, — улыбнувшись, посоветовал Лев Иванович.

— Сию минуту, — торопливо ответил дежурный и начал набирать другой номер телефона. — Алло! Алло! Мажитыч, это ты? Слушай, Мажитыч, тут такое дело... У меня тут сидит полковник Гуров из Москвы... Из Главного управления уголовного розыска. Да, в дежурной части, в кресле... Что? Нет, министра внутренних дел с ним нет... А что, тоже должен быть?.. А... О... Э... С чего это я — пьяный? Я — на дежурстве! Да, документы проверил. Все вроде нормально... Почему мне знать, откуда он взялся? Он сказал, что хочет поговорить с начальством... Нет, до начальника я не дозвонился. Вот, дозвонился до тебя... Так что ты приезжай... Что? О... Э... А... — Дежурный положил трубку и отрапортовал: — Заместитель начальника по оперативной работе майор Вахитов сказал, что скоро будет.

Гуров открыл рот, чтобы что-то сказать дежурному в ответ, но не успел, потому что в помещении дежурной части вломился здоровенный, с деревенской физиономией парень в полицейской форме с погонами сержанта. Мельком посмотрев на сидящего в кресле Гурова, сержант захохотал голосом, которому, пожалуй, мог бы позавидовать сам Шаляпин:

— Михайлыч, я уж и не знаю, что делать с этим старым придурком! Опять он стрелял по своим инопланетянам! Говорит, что уложил троих или даже четверых! А остальные улетели обратно в космос... Так что мне делать — оформлять как хулигана или вызывать санитаров? У меня из-за этого деда уже вся нервная система на исходе! Я вот что думаю...

Дежурный сотворил зверское лицо, покосился на Гурова и слегка дотронулся пальцем до своего плеча. Жест был понятен: сидящий в кресле Гуров — не просто сам по себе гражданин, а высокое полицейское начальство! Детина-сержант все моментально

понял, сделал испуганные глаза и тут же исчез из дежурной части — будто сквозь пол провалился. Гуров не выдержал и расхохотался в голос.

— Весело тут у вас! — сказал он. — А можно узнать подробнее об этой войне с инопланетянами?

— А! — махнул рукой капитан, полицейским своим нутром почуввавший, что полковник из Москвы, коль уж он смеется, — мужик вполне свойский, а потому скорее всего ему, капитану, никакой нагоняй не грозит. — Есть тут один у нас — старый чудак. Почти каждую ночь пуляет из ружья в небо. Говорит, стреляет в инопланетян, которые прибывают к нам в невероятном количестве. Причем стреляет каждый раз жаканом, так что сами понимаете... Нет, никого до сих пор он не зацепил, потому что пуляет в небо, но ружье — оно и есть ружье. И откуда он их только берет, эти ружья? Вы не поверите, мы их у него уже изъяли штук десять! А он все едино: вернется из психушки — и ну пулять. Говорит, что уже убил больше ста пришельцев.

Гуров слушал капитана и усмехался. Легко он чувствовал себя в этом отделении полиции, что было хорошим знаком. Доводилось оказываться в таких полицейских отделениях, в которых была тягостная обстановка. А тут — ничего подобного. Легко, забавно, по-домашнему. Ну и замечательно, коль оно так.

— А вот и Мажитыч... виноват, майор Вахитов. Заместитель начальника.

11

Гуров и Вахитов Вахит Мажитович сидели в кабинете майора и разговаривали. Кабинет был как кабинет — без какого бы то ни было показного шика. Два стола, несколько стульев, сейф в одном углу, а в другом — облезлый шкафчик с набором чайной посуды. Таких кабинетов за всю свою полицейскую жизнь Гуров навидался немало. И, надо сказать, они ему нравились своей простотой.

Понравился Гурову и сам Вахитов. Он не заискивал перед высоким московским гостем, не лебезил, не старался сблизиться, но и не отдалялся, словом, вел себя естественно и с достоинством. Гуров всегда ценил таких людей — тем более что не так и часто они встречались ему на его полицейском пути. Лев Иванович и сам был таким же, и поэтому его разговор с Вахитовым шел на равных.

...— Конечно, его могли прикончить и по пьяни, — говорил Вахитов. — Или из-за женщины, как пытаются убедить нас в областной управе. Все могло быть... Да вот только куда девать версию с этим чертовым депутатом? Ведь серьезная версия, рабочая.

— Расскажи мне подробнее об этом депутате, — попросил Гуров. — Точнее, обо всей семье.

— Да что тут рассказывать, — скривился Вахитов. Чувствовалось, что тема разговора ему не нравится, он от нее устал, и даже больше — она вызывает у него отвращение. — Глава семейства — Воронов Игорь Николаевич, областной депутат. Разумеется, с претензиями на повышение во власти. Дождусь, говорит, выборов и буду пробовать пролезть вверх. Так и говорит — пролезть вверх. — Вахитов покривил лицо еще больше. — Жена — Екатерина Борисовна — мэр нашего города. Вот уже второй срок кряду... Сынок, естественно, успешный бизнесмен. Под ним все городские стройки. Папа, кстати говоря, тоже бизнесмен.

Гуров шевельнулся, и Вахитов правильно понял это его движение.

— Понимаю, что ты хочешь спросить, — сказал он. С самого начала разговора он и Гуров были на «ты». — Депутат, мол, не имеет права заниматься бизнесом... Ну, так официально он и не занимается. Все через подставных лиц. Как и полагается.

— И что же у него за бизнес? — спросил Лев Иванович.

— Есть у нас в городе нехилый водочный заводик. Ну, так этот заводик его. Большинство акций заводика владеет его сынок — Евгений. Да-да, тот самый, который еще и строитель. Все, конечно, знают, что истинный хозяин завода — именно Воронов-старший. Но формально — не подкопаешься.

— Ну, и конечно, если бы не жена-мэр, то не видать бы семейству этого сладкого заводика, — задумчиво произнес Гуров.

В ответ Вахитов лишь безнадежно махнул рукой:

— Дело даже не в этом. Есть нюансы гораздо интереснее. До Воронова заводом владели четверо местных ребят — мужики, в общем, неплохие. У каждого на руках было по двадцать пять процентов акций. Все, короче говоря, по-честному. Платили налоги, даже помогали больным и бедным. И вдруг двое из них, никому ничего не объясняя, отказываются от акций в пользу Вороновых. Как, почему? Молчат... Сказали лишь, что устали и хотят перевести дух. Через два или три дня от своих акций отказался и третий компаньон. А потом уехал куда-то за границу. С тех пор о нем

ни слуху ни духу... А вот четвертый неожиданно погиб. На тихой улочке его насмерть сбила машина.

— Машину и шофера, конечно, не нашли, — предположил Гуров.

— В том-то и дело, что нашли! А правду сказать, и не искали, потому что виновник аварии в тот же день сам явился к нам с повинной. Сказал, что не хотел, что сбил человека случайно, что раскаивается в содеянном и готов понести заслуженное наказание. Его признали виновным в нечаянном наезде, судили, дали небольшой срок, а через год он уже оказался на свободе. Условно-досрочное освобождение за хорошее поведение, короче говоря. Вот так... А по правде — узор, шитый белыми нитками.

— Думаешь, к этой истории причастен Воронов?

— Тут и думать нечего, как ты сам понимаешь. Конечно, он.

— Ну а кто-нибудь пробовал довести дело до логического конца?

— То есть — посадить Воронова? — усмехнулся Вахитов. — Как же, пробовали. Я и пробовал. В ту пору я трудился старшим опером. Но те два компаньона, которые и сейчас живут в нашем городе, молчат вглухую. С самими Вороновыми хоть не говори вовсе. Любой мой визит к ним они воспринимали как политическую провокацию и начинали орать о том со всех колоколен. Оставался тот самый доброхот, который сбил четвертого компаньона. К нему я приклеил своего агента...

— Ну-ну, — заинтересованно произнес Гуров.

— Агент был профессионалом и поработал на славу, — сказал Вахитов. — Он разузнал много чего интересного...

— Стоп! — Лев Иванович неожиданно прервал Вахитова. — А теперь, если ты не возражаешь, я продолжу сам...

— Ну, давай, — заинтересованно глянул на собеседника Вахитов.

— В общем и целом, картина такова, — начал Гуров. — Вороновы явно положили глаз на водочный заводик и решили прибрать его к рукам. Но для этого им надо было отодвинуть владельцев завода. Как именно? Что называется, поговорить с ними. Разговор, как я понимаю, был серьезным — коль сразу три компаньона почти моментально уступили свои акции Воронову. А вот четвертый компаньон, судя по всему, оказался парнем упрямым и заартачился. И тогда Вороновы решили его убрать. Автомобильный наезд — самый простой для этого способ. Находишь человек-

ка, осыпаясь его золотым дождем, растолковываешь, что именно ему следует сделать, гарантируешь, что долго в тюрьме он не просидит, предупреждаешь, чтобы он держал рот на замке, иначе вместо золотого дождя он схлопочет нож в спину — и дело, считай, сделано. А когда дело действительно будет сделано, этот человек по уговору должен явиться с повинной в полицию и изобразить раскаяние. Ну, чтобы майор Вахитов не рыл землю, а удовлетворился этим раскаянием... И как тебе мои дедуктивные способности? Впечатляют?

— Честно сказать, не очень, — улыбнулся Вахитов.

— Это почему же? — с деланой обидой поинтересовался Гуров.

— Потому что я и сам пришел к таким же выводам.

— Стало быть, мы оба с тобой — дедуктивные гении! — рассмеялся Лев Иванович. — Кстати, о твоём агенте. Вывел из игры ты его, надеюсь, удачно?

— Да, — коротко ответил майор.

— А как поживает этот раскаявшийся грешник?

— Ты о шофере, который сбил четвертого компаньона? А он пропал.

— Это как так? — искренне удивился Гуров.

— А вот так, — пожал плечами Вахитов. — Поспешно и за смешную цену продал свою квартирку и исчез в неизвестном направлении.

— Вместе с семьей? — решил уточнить Гуров.

— У него не было семьи.

— Так, так... — в раздумье проговорил Лев Иванович. — Конечно, у него не было семьи. Семья — это лишние свидетели... В общем, сработано профессионально. Ну а ты не пробовал его искать?

— Пробовал, — признался Вахитов. — И среди мертвых, и среди живых. Но не нашел ни там, ни там. Это если говорить коротко. А если тебе нужны подробности...

— Пока не нужны, — сказал Гуров.

— Тогда у меня к тебе вопрос, — сказал майор. — Скажи, ты тоже подозреваешь Воронова?

— И да, и нет, — ответил Лев Иванович. — Понимаешь, в деле слишком мало доказательств против него.

— А угроза убийством?

— Угрожать еще не значит убить, — пожал плечами Гуров.

— В общем, да, — согласился Вахитов.

— Совсем забыл спросить, — спохватился Лев Иванович. — Ты ничего не сказал о дочери Вороновых...

— А что дочь? — развел руками майор. — Дочь как дочь. Молодая, красивая... Учится в ваших московских академиях. Где именно, не интересовался. Да и какая разница? Хотя...

— Что? — подстегнул Гуров.

— Странная она какая-то, — неуверенно сказал Вахитов. — Непонятная... Сынок — он весь на виду. А эта будто в тени. Хотя, может быть, потому, что еще молодая. Вот подрастет, оперится, и уж тогда... Охо-хо... Ну, так что думаешь предпринять? Если, конечно, не секрет... Будешь копать под Вороновых? А что, даже интересно... Ты — из Москвы, у тебя развязаны руки.

— А у тебя они что же, связаны? — в упор глянул на майора Гуров.

— В общем, нет, — нехотя ответил Вахитов. — Маши сколько хочешь... Вот только толку от того махания нет никакого. А в общем, долго объяснять.

— Да и без объяснений понятно, — сказал Гуров. — Кстати, а кто у тебя работает по убийству?

— Опер Лежаков и участковый Курятников, — ответил Вахитов.

— Нормальные ребята?

— В компрометирующих связях не замечены, — усмехнулся майор. — Энергичные, цепкие. Так что, если надо, они тебе помогут.

— А ты — поможешь? — в упор глянул на Вахитова Гуров.

Майор ничего не ответил, и хорошо, что не ответил. Если бы ответил, да еще многословно, с уверениями и клятвами, Гуров ему не поверил бы. А так — поверил: поможет. Молчаливое обещание гораздо честнее и надежнее многословного. Это — истина, с которой Гуров соприкасался неоднократно.

— Тогда так, — сказал Лев Иванович. — Пускай твои ребята к Вороновым пока не суются, а работают по другим версиям. Ведь хочешь или не хочешь, а надо отрабатывать и их. Например...

Он не закончил, потому что Вахитов рассмеялся. Вслед за ним рассмеялся и Гуров. Они, Гуров и Вахитов, понимали друг друга без слов. И это было замечательно.

— А я тем временем хотел бы побывать на месте, — сказал Лев Иванович. — Да, в Антоновой Балке. А если меня будет сопровождать твой опер... ты сказал, его фамилия Лежаков?..

Так вот, если меня будет сопровождать твой Лежаков, то и во-все отлично.

— Будет, — заверил Вахитов. — Куда он денется... — Он встал, приоткрыл дверь кабинета и крикнул: — Михайлыч, душа из тебя винтом — разыщи мне Лежакова! И срочно ко мне! Скажи, что... да ты и сам знаешь, что сказать. И что с того, что выходной? У меня вот тоже выходной, а я на рабочем месте. В общем, ты понял. Жду.

— Сейчас будет, — заверил майор. — Попробовал бы он не быть...

— Дисциплина у тебя — железная! — с лукавым восхищением произнес Гуров.

— А то!

12

Для поездки в Антонову Балку Вахитов выделил Гурову служебную машину. За рулем сидел Семен Лежаков. По пути познакомились и разговорились.

— Всю официальную часть, связанную с убийством, мне доложили в подробностях в районном отделении, — сказал Лев Иванович Лежакову. — А от тебя мне бы хотелось услышать что-нибудь неофициальное. Ну, что-то такое, что осталось у тебя в душе и о чем ты не сообщил начальству. Только не говори, что ничего особенного у тебя нет! Есть, я знаю!

— А если и есть, что с того? — с долей иронии поинтересовался Лежаков.

— Ну, так расскажи, — попросил Гуров.

— Так вы тоже вроде как начальник, — усмехнулся Семен. — Своему начальству я, допустим, не рассказал, а вам возьми и расскажи. Нелогично как-то получается, товарищ московский полковник.

Лежаков Гурову также понравился с первого же взгляда, как и его начальник Вахитов. Этот Лежаков, даром что молодой, не испытывал перед Гуровым никакой робости, не силился казаться лучше, чем он есть на самом деле, — словом, был самим собою. И это было замечательно, потому что Гуров знал, с кем имеет дело, и, соответственно, прекрасно понимал, как себя с Лежаковым вести. «Все они здесь такие, что ли? — подумалось Гурову. — Просто какой-то девственный заповедник, а не кусок России!»

— Да какой я тебе начальник, — усмехнулся Лев Иванович. — Я такой же опер, как и ты. А звание... да и черт с ними, с этими званиями! Разве дело в них? А потому забудь про мое звание и зови меня запросто — Лев Иванович.

— Лежит у меня на душе тяжкая оперативная тайна, — после некоторых раздумий сказал Лежаков. — Лежит, проклятая, и терзает мне душу...

— Начало многообещающее, — улыбнулся Гуров.

— А продолжение будет еще интереснее, — пообещал Семен. — Дурак я, вот что.

— Неужели? — не поверил Лев Иванович.

— Точно. И Васька Курятников... антоновский участковый, то есть... тоже дурак. Получается — два дурака. Я — потому что вовремя не догадался у него спросить, а он — потому что не додумался мне рассказать. Вот и рассудите — разве не дураки?

— Да о чем речь-то? — с искренним интересом спросил Лев Иванович.

— Об убийстве, о чем же еще... А вернее, об убитом.

— Ну-ка, ну-ка...

— Да дело-то простое... Вот смотрите, что получается. Убитый — человек не местный. Так?

— Ну так, — согласился Гуров.

— А колы он не местный, то, значит, никакой собственной крыши над головой у него в Антоновке нет. Правильно?

— Правильно, — снова согласился Лев Иванович, хотя пока и не понимал, к чему Лежаков ведет.

— А ночевать-то ему где-то надо или нет?

— Наверно, надо... — осторожно предположил Гуров.

— Вот! А где он, по-вашему, может переночевать в Антоновой Балке?

— Да где угодно... Например, в каком-нибудь сарайчике или, допустим, под той же ивой, где его и нашли убитым. На дворе-то — лето.

— Ну, это вряд ли, — не согласился Семен Лежаков. — На дворе-то, конечно, лето, но ведь роса. А от нее так вымокнешь и озябнешь, что — мама не горюй! Даром что июль. Вот я и подумал: а где же он ночевал, убитый-то? Конечно, могло статься, что и нигде. А как только он вошел в Антонову Балку, так сразу же его обухом по голове... Пришел, значит, к Вороновым, сцепился с ними, они его вышвырнули, накостыляли ему — и того... Но ведь так

не может быть? А, Лев Иванович? Версия же просто невероятная! Тем более что убили его через сутки после конфликта. Ну так где-то эти сутки он обретался! Под чьей-то крышей. Не собака же он бездомная! Это собаке не нужна крыша, а человеку — требуется.

— Да, наверно, — согласился Гуров. — Ну, может, он попросился к кому-то на ночлег.

— Э нет! К кому-то — слово неправильное! Не к кому-то, а к одной конкретной особе! Об этом мне и сказал Васька Курятников... ну, участковый... когда я позвонил ему нынешней ночью. Меня осенило, я и позвонил. Антоновский народ простой и недоверчивый, сказал мне Васька, и абы кого на ночлег к себе не пустит. Тем более — по виду бродягу! И только одна особа во всей Антоновой Балке согласилась бы приютить кого угодно, хотя бы и этого бродягу! Только одна! Стало быть, если убитый и провел где-то ночь, то только у нее! А уж Васька Курятников эту особу знает как облупленную! — выпалил Семен Лежаков и перевел дух.

— Продолжай! — энергично взмахнул рукой Гуров. Кажется, он начинал понимать, к чему клонит молодой оперуполномоченный.

— Ну и вот... А коль он там ночевал, то, стало быть, с кем-то и о чем-то говорил. Общался, так сказать. Быть того не может, чтобы не общался... Например, с хозяйкой или еще с кем-то. Ну а коль общался, то мог что-то поведать и о себе. Кто он такой, для чего прибыл в Антонову Балку и так далее... Более того! Там-то он мог зацепить и своего убийцу. Знаете, как оно бывает? Слово за слово, ты — мне, я — тебе, и вот он уже и конфликт. А где конфликт, там и до убийства рукой подать. Особенно если по пьяному делу.

— А что, в том постоялом дворе и пьяное дело существует? — поинтересовался Гуров.

— То-то и оно! Та особа, о которой я веду речь, одинокая старуха. Со слов участкового, самогонщица. Ну и, кроме того, пускает к себе на ночлег за долю малую... Всяких пускает — и пришлых, если таковые случаются, и своих, антоновских. Никакой гостиницы в деревне, понятное дело, нет — вот она и есть гостиница. А к тому же самогон у нее. Все местные пьющие мужики у нее обретаются и даже, бывает, ночуют. Какой-никакой, а старушке приработок. А на самом-то деле настоящий притон — вот что я скажу! Обо всем этом мне и поведал сегодня ночью Васька Ку-

рятников. Что ж ты ничего не сказал мне раньше? — спрашиваю я. Ведь мы с тобой вчера целый день бороздили деревню вдоль и поперек в поисках свидетелей! А свидетели-то — вот они, рядом! Забыл, отвечает. Дурак, говорю я ему. Сам дурак, отвечает. Мог бы и спросить у меня насчет притона.

— Получается — целых два дурака! — весело рассмеялся Гуров.

— Вот я и говорю, — горестно подтвердил Семен. — Но ведь и это еще не все!

— Ну да? — не поверил Лев Иванович.

— Точно... Мне бы, по-хорошему, сегодня нагрнуть в этот деревенский притон и произвести там расследование по полной программе, а — не могу! Верней, конечно, могу, но толку от того не будет никакого!

— Это почему же? — поинтересовался Гуров.

— Да по простой причине. Потому что эта чертова старуха ничего мне не скажет. Умрет под пытками — а все равно не скажет!

— И в чем же причина? — поинтересовался Лев Иванович.

— В первую очередь — в участковом. Он, видите ли, пребывает с этой старухой в контрах по причине самогоноварения и содержания притона. И она на него за это в обиде. А значит, ничего ему не скажет — назло. Ну, и мне заодно не скажет, потому что вчера я целый день бродил по деревне чуть ли не в обнимку с участковым. Народ, конечно, нас видел, ну, и эта проклятая бабуля тоже, наверно, видела. А значит, и мне она ничего не скажет — тоже назло за то, что я якшался с Васькой Курятниковым.

— Ну а как зовут эту зловредную бабулю? — спросил он.

— Макаровой, — нехотя ответил Лежаков. — То есть полное ее имя — Елизавета Макаровна Евдокимова. Вредная старушка! Ехидная! И вот как мне быть — ума не приложу. По-хорошему, ее надо бы допросить с пристрастием, да ведь, говорю, ничегошеньки не скажет.

— Ну а я на что? — спросил Гуров. — Меня-то пока в присутствии участкового никто не замечал.

— А и то верно! — обрадовался Лежаков. — Вот, значит, вы к ней и ступайте. А я побуду в сторонке где-нибудь на околице. А уж потом встретимся и обсудим, что к чему.

— Задание понял! — отрапортовал Гуров. — А только как я ее найду, эту Макаровну?

— А очень просто, — сказал Семен и стал пояснять: — Пойдете вдоль по улице, и у первого встречного спросите — а где здесь

живет Макаровна? Вам и покажут. А если спросят зачем, то скажите, что насчет самогону. Тогда у народа не останется никаких подозрений насчет вашей персоны. Потому что понятно: человек ищет, где бы ему опохмелиться. А где же еще, как не у Макаровны?

13

Приехали. На околице деревни их встретил тот самый участковый Василий Курятников, которого Вахитов, оказывается, тоже поднял по тревоге и быстрым аллюром направил в Антонову Балку встречать Гурова. Поздоровались, коротко представились. Как договорились, так и решили действовать. Лежаков с Курятниковым остались на околице, а Гуров отправился вдоль по улице искать старуху Макаровну. И действительно, первый же встреченный деревенский мужик указал Гурову точные координаты самогонщицы. Правда, какие-то остаточные сомнения относительно личности Гурова у мужика все же остались, потому что, когда Гуров поблагодарил и удалился от мужика на целых, наверно, восемьдесят метров, тот по-прежнему смотрел ему вслед, не двигаясь с места. Ну да это, конечно, пустяки, проистекающие из особенностей деревенской психологии: народ в Антоновой Балке, как Гурову уже было известно, проживал недоверчивый.

— Ау, хозяйева! — окликнул Гуров, подойдя к калитке дома, в котором обитала старуха Макаровна. Пока ждал отклика, осмотрелся. Дом не слишком ухоженный: забор покосился, калитка висела на одной петле, в отдалении стоял скособоченный сарай, на огороде бурьян... Да оно и понятно: в доме проживала одинокая старуха и кто ей поможет управляться с хозяйством? У всякого в деревне и своих нужд, как известно, поверх головы. А может, все дело было и не в отсутствии помощников по уходу за хозяйством, а в образе жизни самой Макаровны. Содержать притон — дело трудное, хлопотное само по себе, тут уж не до калитки и не до бурьяна на огороде.

— Хозяйева! — не дождавшись ответа, повторно окликнул Лев Иванович.

И на этот раз не безуспешно. На зов Гурова из сеней на крылечко выкатилась кругленькая, упитанная благообразная старушка, увидев которую сыщик даже рот разинул от невольного

удивления. «Вот тебе и самогонщица, вот тебе и содержательница притона!» — подумал он. Уж кого-кого, а всяких содержателей и содержательниц притонов Лев Иванович за долгие годы работы сыщиком навидался немало. И никто из них не был даже близко похож на старушку Макаровну! По внешнему виду не зловредной старушенцией была эта самая Макаровна, а просто-таки пряничной бабушкой из детской сказки! Впрочем, из всякого правила бывают исключения, так почему бы старушке Макаровне как раз и не быть таким исключением? Так размышлял Гуров, разглядывая старушку, а о чем размышляла старушка, разглядывая Льва Ивановича, никому ведомо не было, кроме, конечно, самой старушки.

— А что тебе надо? — спросила старушка у Гурова.

— Елизавету Макаровну Евдокимову мне надо, — ответил сыщик.

— А для чего? — поинтересовалась старушка.

— Разговор у меня к ней есть, — сказал Гуров. — Серьезный.

— А о чем?

— Из социальной службы я, — сочинил на ходу Лев Иванович. — Езжу вот по деревням, беседую со стариками. Может, чем-то помочь надо...

— Из района, что ли? — продолжала допытываться старуха.

— Нет, — торопливо сказал Гуров, — не из района. Аж из самой области.

— То-то я смотрю — не видала я тебя в районе. А я-то там, считай, всех знаю. А твоя личность мне незнакомая...

«Ух! — обрадовался в душе Гуров. — Это я удачно приврал! Скажи, что я из района, — разговор вряд ли состоялся бы. Макаровна тут же меня бы изобличила и с позором изгнала!»

— Так могу ли я видеть Елизавету Макаровну? — спросил сыщик.

— Я самая она и есть. Входи в калитку.

Гуров вошел и приблизился к крыльцу. Макаровна молча сделала знак рукой — заходи, мол, в дом. На крыльце какие могут быть разговоры?

Войдя в дом, Гуров и тут первым делом осмотрелся. Он, конечно, не так часто бывал в исконно крестьянских домах, но тем не менее общее представление об их устройстве и интерьере все же имел. И, по мнению Льва Ивановича, дом старушки ничем не отличался от представления Гурова о крестьянских домах. Все было

чистенько, аккуратненько и от этого покойно и уютно. Ну просто ни с какого боку это жилище не походило на притон!

— Значит, вы и есть Евдокимова Елизавета Макаровна? — спросил он.

— Да ты уже вроде как бы об этом спрашивал... — с удивлением глянула на него старуха. — Или забыл? Что ж ты так быстро забываешь? Али ты не начальник? Начальники, они все помнят!

— Да я-то помню, — улыбнулся радужной улыбкой Гуров. — Это я так, для уточнения.

— А чего тут уточнять? — Похоже, старуха Макаровна все еще испытывала по отношению к Гурову некоторое сомнение и даже, может быть, подозрение по поводу его загадочной личности. Явился, видите ли, незнамо кто и незнамо откуда, задает вопросы и тут же их забывает... — Чего тут, спрашиваю, уточнять? Как будто я за это время из Елизаветы Макаровны могла превратиться в какую-нибудь Матрену Федотовну! Плохой ты начальник, коль сразу забываешь! Начальник — он должен быть внимательным! К тому же сегодня — воскресенье, выходной, стало быть, день. А ты вот взял да и приехал... Да где же это видано, чтобы начальство по выходным дням трудилось? Ему-то, начальству, полагается в выходные отдыхать. Вот, к примеру, как наши дачники. А они-то все сплошь начальники! Как только выходной или, буду говорить, какой-нибудь праздник, так они сразу же и наезжают. И хоть бы тебе палец о палец! Выставит пузо и лежит целый день на солнышке. Или — с удочкой на реке. А то еще — бродят с задумчивым видом по лесу или по лугу. Я, говорит, общаюсь с природой... А вот ты отчего не лежишь сверху пузом да не бродишь, коль выходной день? А вот взял — да и приехал...

«Эк, говорливая какая!» — весело подумал Гуров.

— Времени не хватает, бабушка, — тяжело вздохнул он. — Вот просто-таки ужасная нехватка времени! Не успеваю! Вас, стариков, много, и деревень тоже много, а нас, начальства, мало... Вот и приходится работать по выходным дням. Ничего не поделаешь!

— Это вас-то, начальства, мало? — старуха Макаровна усомнилась и в этих словах Гурова. — А то я не бывала в ваших кабинетах и не видела, сколько вас там. Прямо-таки не помещаетесь в своих кабинетах! Чуть ли не на головах друг у друга сидите!

Но старуха произнесла эти свои слова уже не таким осудительным тоном. Похоже было, что она приняла последние оправдания

Гурова за чистую монету, и в ее настроении возник некий перелом, что Гурову было на руку.

— Вкусно же у вас пахнет, Елизавета Макаровна! — воскликнул он. — Вроде как бы пирогами. Я угадал?

— Ну, так утром испекла, оттого и пахнут, — проворчала старуха. — Отчего же им не пахнуть, коль они — пироги? Разве могут пироги не пахнуть?

— Вроде как пирог с черникой, — принялся Гуров. — А другой — с грибами. Точно?

— Да, — согласилась Макаровна. — И с черникой, и с грибами. Да ты сам откуда знаешь-то? Ведь ты городской. Разве городские понимают в пирогах?

— Жена у меня просто мастерица по части выпечки! — сообщил Лев Иванович. — Распрекрасные пироги печет! По собственным рецептам. Оттого и знаю.

— Да неужто? — поразилась Макаровна. — Надо же! Городская — и знает толк в пирогах... А все равно — наши-то пироги лучше ваших. Бывала я у вас в городе и ходила по вашим базарам. Разве там черника, на ваших-то базарах? А у нас — ягодка к ягодке, будто жемчужины. Ступай в лес да бери.

— Это точно, — согласился Гуров. — Вот даже запах у ваших пирогов и тот другой. А все равно — если подойти умеючи и с душой, то и из веника суп можно сварить.

— Оно и правда, — охотно согласилась Макаровна. — Да ты попробуй моих пирожков, мил человек! А потом и сравнишь — чьи лучше. Я так думаю, что мои. Потому что где же вашим городским пирогам сравниться с нашими, деревенскими? Хотя их и печет твоя жена. Вот я сейчас...

Старуха засуетилась и принялась накрывать на стол. Скоро на столе появились две глубокие миски с пирогами, а еще — глиняный кувшин с каким-то напитком и рядом с ним — большая кружка.

— Вот, — повела рукой Макаровна. — Эти — с черникой, а эти, стало быть, с грибами. А в кувшине — компот из брусники. Присаживайся к столу, да и заодно поговорим. За пустым столом — какие же разговоры?

Гуров охотно выполнил просьбу старухи. Пироги и впрямь были замечательные — ничуть не хуже тех, которые пекла его жена. А брусничный компот — просто прелесть, такого компота Лев Иванович не пробовал за всю свою жизнь.

— Вот так прямо взял бы и поселился бы у вас на всю жизнь, — сообщил сыщик старухе. — И все ради ваших пирогов и компота.

— А ты возьми да и поселись, — поддакнула старуха. — Да только где вам, городским. Не привыкли вы к нашей деревенской жизни.

Кажется, она совсем перестала испытывать к Гурову недоверие. И все из-за пирогов, которые тот нахваливал. А какой хозяйке может не понравиться, когда нахваливают ее стряпню?

— Тяжело вам живется, бабушка? — спросил Гуров, дожевывая кусок пирога.

— Так это когда как, — покачала головой Макаровна. — Повсякому бывает... Будто не знаешь. А должен знать, коль начальник.

— Знаю, Елизавета Макаровна, — поспешно отозвался Гуров. — Как не знать. А только у каждого свои беды. Оттого и спрашиваю.

— Оно так, — согласилась старуха. — У всякого они свои, беды-то. А уж мои беды — и-и-и-и...

— А что такое? — поинтересовался Лев Иванович. — Может, вас кто-нибудь обижает? Так вы скажите!

— А можно сказать, что и так, — горестно сообщила старуха. — Одинокая я, и помочь-то мне совсем некому. А вот чтобы обидеть — охотники находятся.

— А кто? — напористо поинтересовался Гуров. — И по каким таким причинам? Вы мне скажите, а уж я там разберусь, в городе. По кабинетам, если надо, пройду. К самому прокурору обращусь!

Старуха какое-то время молчала, будто бы хотела что-то сказать, да не решалась. Но затем, видимо, желание поквитаться с обидчиками взяло верх. Да и как ему не возникнуть, такому желанию? Не каждый день в дом является такой добрый начальник — который и пироги трескает с охотой, и помочь не отказывается! Уж такой-то момент упускать — грех!

— А хоть бы взять нашего участкового Ваську Курятникова! — пожаловалась Макаровна. — Как есть злыдень! И все-то он меня ругает, все-то страшает... Собаку мою грозился застрелить, так она с испугу убежала и вот уже третью неделю не показывается... Хорошая собачка, Бобиком звать. Рябенькая, одно ухо надкусано... Может, где-нибудь встречал?

— Нет, — покачал головой Гуров.

— Жаль... Так и пропала собачка. А в деревне без собаки разве жизнь?

— А за что все же он вас ругает, этот ваш участковый?

— А можно так сказать, что и ни за что. Вот как есть, ни за что. Зазря. Уж такой он взбалмошный человек, этот Васька Курятников. Все бы ему ругать да страшать... Нет чтобы по-человечески — вот вроде как вы. Куда там! Вот как зайдет, так прямо и начинает с порога. А собачка-то на него строится! А он на нее: цыть, а то застрелю. Ну, она с испугу и подалась в неведомые края...

— Но ведь не может быть, чтобы вот так, совсем без причины... — осторожно предположил Гуров.

— Да причина-то известная...

Старуха помолчала, соображая, что следует сообщить участливому начальнику, а чего, наоборот, не следует ни под каким видом. По всему выходило, что о самогоне сообщать ему никак не надо. Начальник-то, конечно, человек участливый, да ведь самогон — он такое дело... Двусмысленное дело, короче говоря. А обо всем прочем — почему бы и не рассказать? Может, этот начальник и впрямь отвадит этого егозу Ваську Курятникова от дома. И то хорошо.

— Причина-то известная, — еще раз сказала Макаровна. — Вот, говорит, всякий разный народ у тебя собирается. Ну, бывает, приходит кое-кто. Так ведь я — старуха одинокая, а они, которые приходят, и подсобят в чем-нибудь по хозяйству. А коль подсобят, то, стало быть, и угостить их надо. Какой же в том грех?

— Да вроде никакого, — с той же осторожностью выразился Гуров.

— Ну и я о том же... А то, бывает, кто-нибудь у меня и заночует. Другие не пускают, а мне — отчего не пустить? Ну, понятно, кто-то и денежку мне сунет, за ночлег-то да за доброту мою. А я и не отказываюсь от той денежки. Коль она за доброту, то опять же какой в том грех?

— Полностью согласен, — решительно произнес Гуров. — Коль за доброту — то можно. Да вот только...

— А что такое? — встревоженно спросила старуха.

— Всякие люди, наверное, попадают среди ваших постояльцев. Один человек — добрый, а другой может быть и злой. Или — какой-нибудь бродяга с дальних краев. И поди разбери, что у него за душой, у того бродяги.

Понятное дело, Гуров не зря произносил слова о бродяге. Он был как стрелок, который выжидал момента, чтобы попасть в цель. И он в нее попал — в самое яблочко.

— И не говори, мил человек! — горестно сказала старуха. — Так оно и вышло! Уж как я не хотела его пускать — будто что-то чуяла! Да не удержалась. А как тут удержаться, коль он мне заплатил наперед? Я, говорит, человек тихий, а ты приюти меня на две или три ночи. Ну, и накорми чем-нибудь. А я, говорит, потом еще тебе дам денег — много. И как тут удержаться при моей-то бедности? Ну, и пустила... Да только не впрок пошла мне моя доброта на этот раз. Ой, не впрок!

— А что такое? — с высшей степенью участливости поинтересовался Гуров.

— Да неужто не слышал? — удивилась старуха. — Ведь убили-то моего постояльца! Аккурат утром в четверг, под старой ивой, что на околице!

— Да слышать-то я слышал. Сообщили люди. А только я не знал, что он был вашим квартирантом.

— В том-то моя и беда, что был! И вот теперь я думаю, что же со мной будет? А вдруг посадят? Ведь смертоубийство! А что? Придет этот несусветный паразит Васька Курятников и заарестует! По моим расчетам, он давно уже должен был явиться, да чего-то его нет. Должно быть, подкрадывается.

— Да ведь не вы же его убили, — с подчеркнутым спокойствием проговорил Гуров и пожал плечами.

— Да что ты такое говоришь, мил человек! — замахала руками Макаровна. — Мое-то здесь дело — никакое! Только и было, что человек, которого убили, ночевал у меня две ночи! Ну и столовался, конечно. А потом его и убили, да ведь и не в моем доме, а за околицей. Да вот только поди объясни это Ваське Курятникову! Потому что он как есть охламон и нехристь! Придет и заарестует.

— Ну, это вряд ли, — успокаивающим тоном произнес Лев Иванович. — Как это так — заарестует? Это будет не по закону. Но, с другой стороны... — Здесь Гуров сделал многозначительную паузу. — С другой-то стороны — дело и впрямь нехорошее. Не арестует полиция, так соседи станут судачить. Вот, мол, погубила человека эта Макаровна... Ведь люди — они такие. Им-то рты не заслонишь.

— Ой, правда твоя! — сокрушенно проговорила старуха. — Как есть ты прав! Да только что же мне делать? Сынок, а мо-

жет, ты сможешь мне в моей беде? Уж я как-нибудь отблагодарю!

— Да помочь-то, наверное, можно, — в раздумье сказал Гуров. — Только я должен знать в подробностях, что и как. То есть кем был этот ваш квартирант, откуда прибыл, зачем, с кем он тут общался, по какому поводу... Вы меня понимаете, Елизавета Макаровна? Во всех подробностях! Чтобы я мог отстоять вас перед участковым, да и вообще перед кем бы то ни было.

— Ну... — нерешительно произнесла старуха. — Коли оно так...

И принялась рассказывать, а Гуров слушал и мотал на ус.

14

Незнакомец появился у калитки дома Макаровны ближе к вечеру. Было это еще на прошлой неделе и, кажись, в четверг... ну да, именно в четверг. То есть пробыл незнакомец в деревне, начиная со своего появления и заканчивая своей смертью, ровно неделю — получается так.

— Старуха Макаровна не здесь ли проживает? — спросил незнакомец. Говор у него был странный, трескучий, будто горохом об стену, да и выговор тоже нездешний. И сам он было похож на бродягу: небритый, в запыленной рубаше.

— Ну, я та самая Макаровна, — ответила старуха. Она как раз находилась во дворе, чем-то занималась по хозяйству.

— А тогда не позволите ли войти в калитку? — поинтересовался незнакомец. — Разговор имеется.

— А ты кто же такой будешь? — завела свою обычную подозрительную шарманку Макаровна. — Вроде как и не антоновский. Антоновских-то знаю наперечет.

— Издалека, бабуля! — рассмеялся незнакомец. — Ты даже представить себе не можешь, как далеко находится мой родимый дом! Да... Ну, приглашай в гости, чего застыла, как старая колокольня?

— А кто ты такой, чтобы гостевать у меня? — еще с большим недоверием выразилась Макаровна. — Много вас ходит — всяких...

— Говорят, что ты пускаешь постояльцев, — весело произнес незнакомец. — На полный пансион. Ну, так я и есть постоялец. Со всеми вытекающими для тебя приятными последствиями.

— Может, кого-то и пускаю, — осторожно обмолвилась старуха. — Да не всех...

— А что ж так? — улыбнулся незнакомец.

— Так ведь всякие бывают люди-то. И лиходеи, и разбойники...

— Это точно, — согласился незнакомец. — Еще как бывают! Но на этот раз тебе, бабуля, очень повезло! Потому как я — человек беззлобный и мирный. Так что меня ты не бойся. Я — не беда, я — твое счастье! А чтобы ты не сомневалась — на тебе!

Незнакомец сунул руку в карман и вытащил оттуда горсть смятых купюр.

— Вот, — сказал он, — возьми за постой. Это, так сказать, предплата. А когда буду съезжать, то, бог даст, добавлю еще! Потому что скоро буду богатым! Прямо-таки на днях! На роду мне так написано, бабуля! Так что не сомневайся!

Старуха покосилась на деньги в руке незнакомца. Даже издаleка купюр казалось много — гораздо больше, чем обычно платили Макаровне другие постояльцы.

— Бери, что на них глядеть! — рассмеялся незнакомец. — И накорми, чем придется. Да и в баньке попариться не худо бы, и рубашонку простирнуть — с дороги я.

Ну и что оставалось делать бедной Макаровне? Она отворила калитку, приняла из рук незнакомца купюры и впустила во двор. А заодно и пригляделась к своему новому квартиранту. Мужиком он казался неопасным, да к тому же и немолодым — лет, быть может, пятидесяти, а в таком-то возрасте разве можно быть разбойником? «И чего это он шастает по белу свету? — невольно подумалось Макаровне. — Ведь не мальчик...» Ну, да какое ей было дело? Разные бывают надобности у людей.

— А звать-то тебя как? — решила уточнить Макаровна у гостя. — Ну, чтобы знать, как к тебе обращаться.

— Звать меня так же, как прописано в моем паспорте, — с прежней веселостью ответил незнакомец. — Могу показать и паспорт — чтобы у тебя, бабуля, развеялись последние сомнения относительно моей персоны. Вот, возьми и прочитай.

Старуха недоверчиво приняла паспорт, открыла его на первой странице и прочитала: Пантелеев Алексей Васильевич. Она накрепко запомнила это имя, а чуть позднее записала его на бумажке. Мало ли что, а вдруг — пригодится. Там же, в паспорте, имелась и фотография мужчины, похожего на самого квартиран-

та. Старуха перевела дух и вернула паспорт квартиранту. «Вроде он и не бродяга, — с облегчением подумала она. — Какой же он бродяга, если у него паспорт? У бродяг-то паспортов не бывает! А просто, видать, путешествует человек по делам. Пока человек живой, у него всегда найдутся дела».

Вечером к Макаровне нагрянули и другие гости — сразу два человека. Причем аккурат к ужину. Хотя и гостями-то их называть не приходилось. Это были два местных забулдыжника — Мишка Кряк и Виталья Безухий. Да и явились они вовсе не к Макаровне, а знакомиться с ее постояльцем. Здесь был расчет. Коль у Макаровны квартирант, значит, она, наверно, будет кормить его ужином и поить самогоном. Без самогона что и за ужин? А коль так, то и самим забулдыжным мужичкам перепадет стакан-другой. Выпить за знакомство с новым гостем — святое дело!

Понятно, что Макаровна не стала при новом квартиранте гнать непрошенных гостей с порога и до калитки, а, наоборот, пригласила их к столу — хотя и неохотно. В печенках они у нее сидели, этот Мишка Кряк вместе с Виталькой Безухим. Но поскольку в доме находился постоялец, приходилось блюсти приличия. Так сказать, проходите, гости дорогие...

Они и прошли. Пожали руку Пантелееву, познакомились, присели за стол, постоялец им налил. Словом, все как полагается. А коль так, то вскоре завязалась и беседа. Не то чтобы Макаровна специально прислушивалась к той беседе, но все же большую ее часть слышала, потому что, будучи в своем доме, вынуждена была слушать.

Большей частью говорил постоялец. Да и то не говорил, а все расспрашивал. О житье в Антоновой Балке, о здешних порядках, о людях, а подробнее всего — о дачниках. Отчего-то именно дачники интересовали его, а больше всего — Вороновы. Кто они, как живут-поживают, богатые ли, шибко ли злобные... Отчего именно Вороновы? А кто ж его знает отчего. Наверное, был у этого Алексея Пантелеева к Вороновым какой-то свой, особый интерес. А может, расспрашивал он из простого любопытства — опять же кто может знать? Но все Вороновы да Вороновы — уж это Макаровна запомнила.

Мишка Кряк и Виталья Безухий, конечно, отвечали. Да, стало быть, есть в деревне такие дачники — Вороновы. В будние дни они обычно на даче не бывают, а вот по праздникам и выходным наезжают частенько. Хорошие ли они люди? Ну, это как сказать... Бы-

вает, что нанимают они деревенских на работу, касающуюся дачного хозяйства, но рассчитываются скупой и безрадостно. Стало быть, нехорошие людишки. Богатые ли? Ну а дачку-то ты их неужели не видел? Разве может у бедного человека быть такая роскошная дача? И говорить не о чем! Конечно, богатые! Кто из них кто? Глава семейства — депутат, супруга — городской мэр, сынок — предприниматель. Есть еще и дочь, но о ней и говорить-то не угадаешь, что и как. Будто она проживает на отшибе, а не в семействе. Есть — и все тут, а больше ничего и не скажешь.

— Значит, — уточнил квартирант Макаровны, — они всегда приезжают на дачу по выходным? Именно так я вас и должен понимать, застольные мои братья?

— Ну да, — единогласно подтвердили Мишка Кряк и Виталька Безухий.

— Что ж, подождем, — загадочно произнес постоялец и больше в этот вечер на тему о Вороновых не заговаривал.

До субботы квартирант почти никуда не выходил из дома Макаровны. Разве что выйдет за калитку, постоит в задумчивости, посмотрит налево-направо да еще куда-то ввысь и вдаль и опять возвращается в дом, а возвратившись, приляжет на кровать, усядется в потолок и молчит. Макаровна та, конечно, то и дело пыталась заговаривать с квартирантом, потому что как оно так — жить в одном доме с человеком и не общаться с ним? В этих случаях квартирант оживлялся и вступал со старухой в беседы, но большей частью короткие и односложные. Вот, к примеру, однажды Макаровна его спросила:

— А из каких таких краев ты будешь, мил человек?

— Издалека, — коротко ответил квартирант. — Из Сибири.

— Ну и как там люди? Как живут, спрашиваю?

— По-разному живут... Как и везде.

Вот и весь разговор, — а какой же это, если разобраться, разговор? Одна маета, а не разговор. И со своими новыми деревенскими друзьями — Мишкой Кряком и Виталей Безухим — он также не желал общаться. Те, конечно, приходили по три раза на дню, но, завидев их, квартирант лишь раздраженно махал рукой: уходите, мол, не до вас. Мишка и Виталька какое-то время топтались у калитки, но затем все же уходили.

А в субботу, ближе к полудню, этот самый Алексей Пантелеев вдруг куда-то засобирался. И даже повеселел по этой самой причине.

— Ну, — сказал он Макаровне, — пожелай мне, бабуля, удачи. Потому что, коль будет мне удача, уж я тебя в обиде не оставлю. Озолочу!

Старуха ничего не поняла из таких сумбурных речей своего квартиранта, а только хмыкнула и поджала губы. А квартирант тотчас же ушел со двора.

Вернулся он часа через три. Ну, может, через четыре — молчаливый и хмурый. Ничего не говоря Макаровне, сел на крылечко, закурил. А потом всем же сказал несколько слов, но таких невнятных и смутных, что старуха опять-таки не поняла ничегошеньки.

— Все люди — суки! — сообщил он старухе. — Есть, конечно, отдельные святые индивидуумы вроде тебя, бабуля, но в основном суки! Ну, ничего! Есть у нас еще и второй тайм! И, может стать, даже третий! А накрой-ка ты мне, бабушка, стол! Да чтобы самогону было побольше! Да пригласи этих двух колдырей, которые по три раза на дню топчутся у калитки! Гуляем! А гулять одному — распоследнее дело! Таков, бабуля, наш сибирский закон! Да ты не опасайся — все оплачу сполна!

Пришлось старухе Макаровне соответствовать этому неведомому ей сибирскому закону, накрывать на стол, лезть в погреб за самогоном и звать Виталю с Мишкой. И загуляли мужики! Нет, никаких безобразий, конечно, не учиняли, все было чинно, по-деревенски. Мишка и Виталка поддакивали квартиранту, но особо в разговор не вступали, а все больше налегали на выпивку и еду. Но Макаровна заметила, как один или два раза они многозначительно между собой переглянулись. Заметить-то она заметила, да только не придала этому значения. Пускай себе переглядываются, мало ли какие у людей тайны — даже у таких вахлаков, как Мишка с Виталей.

Гулянка закончилась ближе к полуночи. Когда Мишка и Виталю убралась восвояси, Макаровна принялась убирать со стола остатки пиршества. А квартирант вышел во двор, уселся на крыльцо и долго молча смотрел в ночное небо с яркими июльскими звездами на нем. А затем вернулся в дом и произнес еще одну загадочную для старухи фразу:

— Если врага не удалось взять приступом, его берут измором. Ничего, мы терпеливые, мы подождем, пока враг дрогнет... Я правильно говорю, бабуля?

— Угу, — сквозь стиснутые губы ответила Макаровна. Она ничегошеньки не понимала из того, что говорил ей постоялец, и ре-